

УДК

Кокшаров С.Ф., Широков В.Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Препринт. Свердловск: УрО АН СССР, 1990.

В работе публикуются материалы по изобразительному творчеству древнего уральского населения. В первом разделе (автор С.Ф. Кокшаров) интерпретируются некоторые образы и сюжетные рисунки, обнаруженные на неолитической керамике поселения Волвонча I, проводится сравнительный анализ изображений со среднеуральскими писаницами, привлекаются данные этнографии и фольклора обских уртов. Во втором разделе (автор В.Н. Широков) содержится полная сводка наскальных изображений, обнаруженных на р. Ай (Южный Урал), проводится предварительное обсуждение графического материала и результатов раскопок, проведенных на памятниках, затрагиваются вопросы содержательного анализа и датировки писаниц.

Препринт может быть рекомендован археологам, этнографам, искусствоведам и всем, кто интересуется историей Урала.

Ответственный редактор	кандидат исторических наук	В. Д. Викторова
Рецензент	кандидат исторических наук	Н. В. Федорова

С УрО АН СССР, 1990

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита (С.Ф.Копылов)	4-28
Пясанцы р.Ай (В.И.Широв)	29-77

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕКОТОРЫХ МИФОЛОГИЧЕСКОХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КОНДИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ:
ЭНЕОЛИТА

По степени изученности археологических памятников бассейна Конды не уступает сейчас более южным районам Западной Сибири. Источники, отражающие материальную культуру кондинского населения свидетельствуют об ее преемственности, по меньшей мере с конца III до начала I тыс. до н.э. ¹ Основными видами хозяйственной деятельности в энеолите—бронзовом веке являлись рыболовство (сетевое и, по-видимому, запорное), добыча зверя и птицы. Есть основания предполагать, что уже в энеолите была известна пассивная охота, а отдельные коллективы занимались специализированными бобровыми промыслами.

Перечисленные занятия древних обитателей Конды отразились на характере поселений, среди которых можно выделить сезонные промысловые лагеря и базовые поселки. Различия проявляются в количестве и конструктивных особенностях сооружений, а также в облике связанного с ними вещевого материала. Если в сезонных лагерях функционировало одновременно до трех некрупных построек ², то в базовых поселках фиксируются остатки внушительных по размерам домов, площадь которых достигала 200 кв.м ³. Последние имели, по-видимому, латровое перекрытие, были окружены по периметру валом и рвом. Предполагается, что они служили для проживания довольно больших общин таежных рыболовов и охотников, которым было под силу возведение подобных построек. На многочисленность обитателей указывает также состав находок, среди которых преобладают фрагменты сосудов крупных размеров, предназначавшихся для приготовления и хранения пищи.

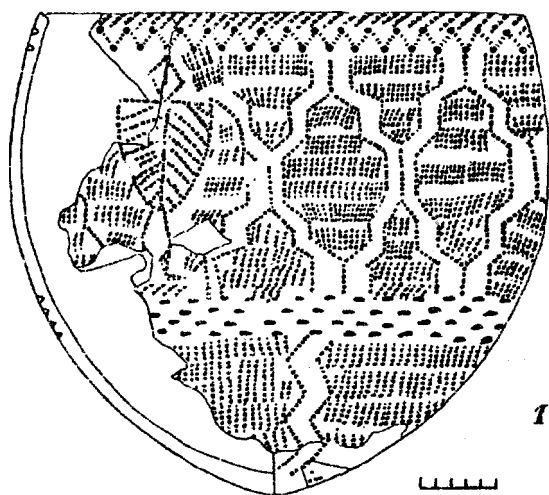
В одном из таких общинных домов эпохи энеолита, изученном на пос. Волвонча I ⁴ была обнаружена серия сосудов с антропо- и зооморфными изображениями. Найденные рисунки любопытны не только своей иконографией, но и тем, что входят в законченные орнаментальные композиции, образующие не менее трех самостоятельных и в то же время взаимосвязанных сюжетов. Разделяя мнения о мифологичности первобытного сознания ⁵, я склонен рассматривать выделяемые сюжеты в качестве графических текстов мифических повествований. Раскрытию их содержания способствует то обстоятельство, что архаичные мифологические системы включают в свой состав какое-то число сходных сюжетов и образов, неизменно определяемых как универсальные. В этом качестве могла выступать, например, концепция "мирового дерева", наложившая отпечаток на устное и изобразительное творчество многих народов Старого и Нового Света ⁶. Она была известна, по-видимому, обитателям энеолитического жилища на пос. Волвонча I и допустимо привлекать ее в качестве "ключа" к дешифровке других, связанных с нею мстивов. Кроме того, для раскрытия семантики некоторых композиций и образов оправдано обращение к этнографическим и фольклорным данным, в частности, полученным у коренных обитателей Конды - обских угров.

Сюжет первый. "Устройство мира".

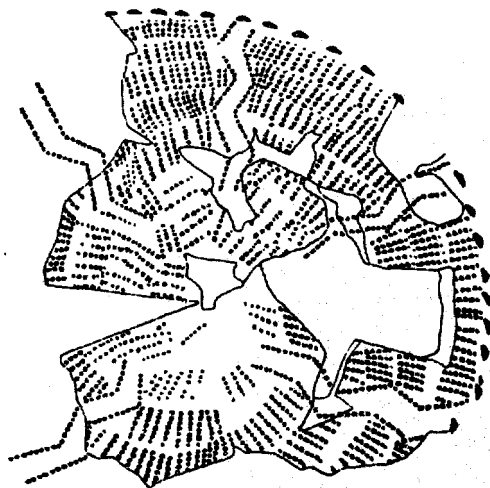
По мнению В.В. Евсикова, посвятившего многографическое исследование изучению росписей на янышевской керамике, "чтение" графических текстов необходимо начинать с наиболее сложных и емких по содержанию, так как они легче и достовернее могут быть отождествлены и истолкованы ⁷. Этому требованию отвечает, на наш взгляд,

орнаментальная композиция на внешней стороне сосуда, помещенного на рис. I. Она состоит из трех зон. В первую зону входят поясok из наклонных отпечатков гребенчатого штампа и гребенчатый зигзаг с явками на углах. Вторая зона занимает основное поле сосуда и представляет собой широкую полосу в виде рассеченной сетки со специфическими многоугольными ячейками. В месте, где сетка разомкнута, расположено антропоморфное изображение. Между второй и третьей зонами фиксируются разделительный поясok из глубоких наколов гребенки, нанесенных в шахматном порядке. Последняя часть композиции занимает дно сосуда: на развертке она представляет круг, заполненный отпечатками гребенчатого штампа (рис. IA). Орнаментальное поле разрезано пятью полными зигзагами, восходящими от дна к разделительному поясу.

Вертикальная зональность в расположении узоров и помещение в центральную композицию антропоморфного изображения дают основание предполагать, что в композиции запечатлено повествование космологического содержания. Очевидно, в его основе лежит универсальная концепция мирового дерева, стержневым скелетом которой является успешная в конечном счете борьба "положительного светлого с небом связанного начала с отрицательным темным связанным с преисподней началом (обычно змей, дракон)"⁸. Древний мастер, украшавший сосуд, несомненно руководствовался данным мотивом и воспроизвел его с особой тщательностью. Это проявляется в отсутствии четкого противопоставления двух верхних зон и подчеркнутой грани между вторым и третьим блоками композиции, что можно рассматривать как свидетельство двухчастного строения космоса, в котором верхний и средний миры выступают слитно. Центральная композиция из рассеченной сетки, на фоне которой находится антропоморфная фигура может демонстрировать, по-видимому, логичность и совершенство,

1

1A

Рис. 1. Реконструкция сосуда со стилизованными антропо- и зооморфными изображениями с пос. Волвонча I.

царские в верхнем мире — выступающем сферой обитания человека и каких-то антропоморфных существ. Иными словами это область организованного пространства.

Разделительный пояс между фризом и орнаментом на дне призван усилить грань, лежащую между верхней и нижней частями космоса, и нежелательность контакта их обитателей. Жители подземного царства выступали у кондинцев в виде змей (см. с.22). Во всяком случае именно так можно интерпретировать пять полых зигзагов на дне горшка, Любопытно, что традиции изображения этих пресмыкающихся слабо варьируют в пространстве и времени⁹. Завершая разбор данного графического текста, следует заметить, что у обских угров сохранились воззрения о наличии цельной системы, состоящей из двух миров: среднего и нижнего¹⁰.

Сюжет второй. "Мифический герой-охотник".

Самостоятельного анализа заслуживает, на наш взгляд, втсрая орнаментальная зона, занимающая тулово сосуда (рис.2,1). Интерес в ней представляют антропоморфная фигура и многоугольная ячейка — основная формообразующая деталь рассеченной сетки.

Фигура выполнена в скелетном стиле, имеет ромбическую голову без детализированных черт лица. прямые широкие плечи (рис.2,1, 3,1). Сохранившаяся левая рука приподнята в предплечье и слегка согнута в локте, на кисти отмечены три пальца. Непропорционально короткие по сравнению с телом ноги согнуты в коленях, ступни обращены носками врозь. На голених — двумя-тремя вдавленными штампа — обозначены выступающие мускулы. В статичной, на первый

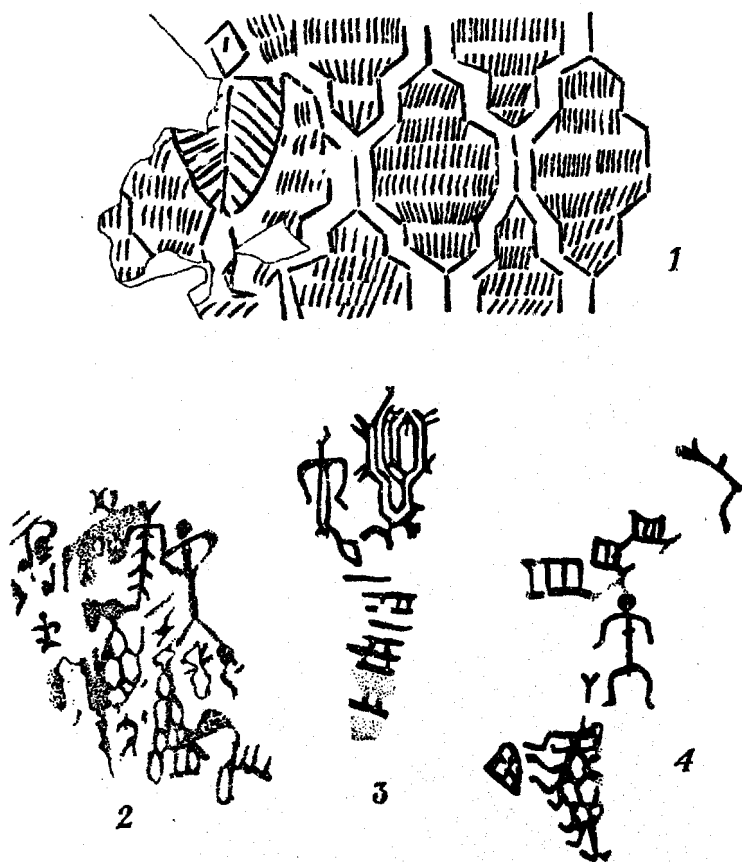

Рис.2. Варианты второго сюжета на керамике пос.Волвонча I и на уральских писаницах (2-4). I - гребенчатый штамп, остальное - охра.

взгляд, фигуре чувствуется какое-то внутреннее напряжение, достигнутое специфическим расположением конечностей и подчеркнутой силой ног.

Ячейка, представляющая собой сложный многоугольник, была получена в процессе моделирования путем слияния четырех шестигранников - сот. Места стыковки последних в оригинале не выделены, так как весь контур ячеек "заштрихован" вертикальными отпечатками гребенчатого штампа. Ячейки расположены в сетке таким образом, что не соприкасаются друг с другом и даже разделены полыми ступенчатыми линиями. В то же время они связаны между собой короткими гребенчатыми отрезками, отходящими из нижнего и верхнего углов.

Основная семантическая нагрузка в центральной зоне приходится на две рассмотренные фигуры - антропоморфную и геометрическую. Убедиться в этом позволяют сходные по составу композиции на писаницах Среднего Урала. К ним относится третья группа рисунков Зенковской скалы на р. Тагил II. В нее входит антропоморфная и, расположенная слева от нее, сложная многоугольная фигура (рис. 2, 3). Первая выполнена в фас, имеет ромбическую голову, широкие плечи, объемное туловище, раскинутые руки с обозначенными кистями. Вторая полностью совпадает с ячейкой рассеченной сетки, отмеченной на тулове горшка. Близ и рассмотренным первые группы изображений на Тагильском и Ирбитском (в редакции В.А.Толмачева) Писаных Камнях (рис. 2, 2, 4). В свое время перечисленные наскальные рисунки были отнесены В.Н.Чернецовым к первому варианту третьего сюжета. Он интерпретировал его как "изображения охотничьих и рыболовных сооружений, около которых находятся какие-то очень условные и стилизованные фигуры" I3. Орнамент на керамике позволяет дополнить и конкретизировать определение этих композиций. Для них обязательны два соразмерных составляющих элемента -

Рис. 3 . Антропоморфные изображения с Конды (1, 4-5),
 Малой Сосъвы (2) и Среднего Зауралья (3, 6).
 Прорисовки фигур с неолитической керамики
 (1-2, 4-5) и Шигирского идола (3, 6).

- антропоморфная и сложная сотовая фигуры, находящиеся в определенной оппозиции друг к другу. На керамике данный мотив включен в орнамент и представляет собой рассеченную сетку, которая выступает фоном по отношению к антропоморфному изображению. Распространение сюжета от Конды до Зауралья свидетельствует, вероятно, о том, что перед нами еще одно запечатленное на керамике и писаницах мифическое повествование I4.

Дешифровка семантики антропоморфной фигуры в обозначенном сюжете будет менее объективна, если проигнорировать другие подобные изображения на керамике пос. Волвонча I (рис. 3, 4-5). Они выполнены в том же "скелетном" стиле и, взятые в совокупности, образуют группу, которой присуща так называемая "коллективная индивидуальность". Иными словами при всем сходстве в манере и стиле исполнения у них фиксируются индивидуальные черты I5 (См. с. 18).

Для доказательства того, что за различиями в прорисовке отдельных изображений лежит намерение показать множественность антропоморфных существ, следует обратиться к еще одной находке, значимость которой до сих пор явно недооценивается. Речь идет о знаменитом Штигирском идоле, найденном в начале века на эпонимном уральском торфянике. При внимательном изучении его прорисовки I6 удалось обнаружить целую группу фигур (а не только личин - 1), имеющих самое полное сходство с рисунками на керамике (рис. 4). Особенно это относится к двум изображениям, помещенным на лицевой и оборотной плоскостях примерно на одном уровне от основания (рис. 3, 3, 6). Оба имеют приостренные макушки, углубленные глазницы, выступающие носы, скелетное заполнение туловищ и согнутые в коленях ноги. У изображения на лицевой стороне подчеркнут острый подбородок и "елочкообразное" заполнение тела. У фигуры на обороте идола подбородок не выделен, но зато в ниж-

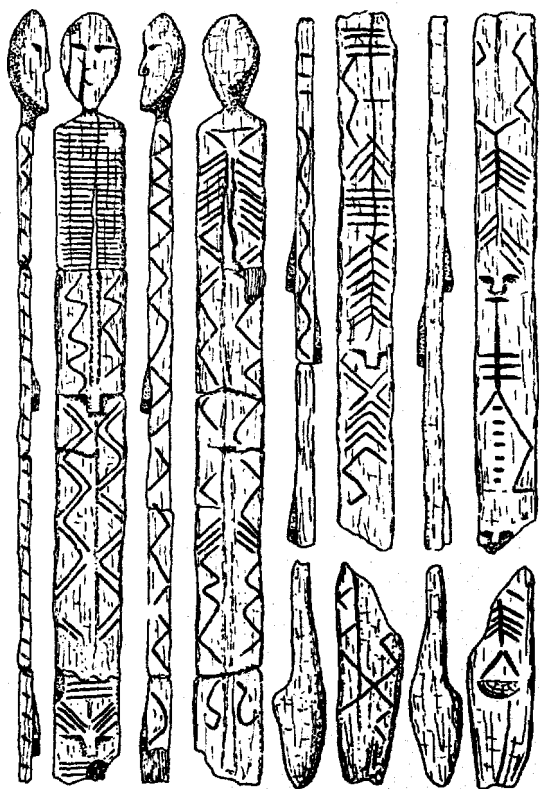

Рис. 4 . Прорисовка антропоморфных фигур на Шигирском идоле (по реконструкции В.Я.Толмачева).

ней части лица обозначен широкий приоткрытый рот. Перпендикулярно "позвоночнику" расположены три пары ребер. Между ног фиксируются семь ниспадающих овальных точек.

Широкие плечи, контурная передача бедер, голеней и предплечий у антропоморфных фигур с пос. Волвонча I указывают на силу изображенных, которые являются, вероятно, особями мужского пола. В этой связи обращает на себя внимание существо на тыльной стороне Шигирского идола, которое можно интерпретировать как женское по расположенным между ног точкам. Кстати, аналогичный способ подчеркивания пола отмечен на палеолитических рисунках Игнатьевской пещеры на Южном Урале ¹⁷.

Наблюдаемые несоответствия у однотипных по стилю изображений на идоле и на керамике можно расценить, по-видимому, не столько желанием и возможностями древних художников разнообразнее представить один и тот же образ, сколько необходимостью показать их множественность. Вполне допустимо, что они могли находиться в определенной иерархии. Во всяком случае, это красноречиво подтверждается расположением фигур на идоле.

Изложенное позволяет констатировать, что на энеолитической керамике Волвончи I и на Шигирском идоле отражена целая группа персонажей, выдержанных в одном каноне. Учитывая наличие у них индивидуальных черт, можно предположить, что каждому образу соответствовал вполне определенный мифический герой. Хронологический разрыв между археологическими материалами и данными, зафиксированными этнографами, почти исключает персонафикацию существ. Между тем, мифологические группы, о которых идет речь, отражают одну из начальных ступеней развития представлений о самостоятельных образах. Вероятно позднее когда в отношениях между коллективами приобрел большое значение военный фактор, происходит трансформация

этих воззрений. Мифические герои, являющиеся, по мнению М.И.Стеблина-Каменского, продуктом фантазии, постепенно уступают место героям эпическим, фигурам идеальным, имевшим конкретные прообразы¹⁸. Здесь уместно обратиться также к эпосу обских утров, зафиксированному в конце XIX века С.К.Паткановым¹⁹. Основные действующие лица в нем — богатыри-князья. Все сюжеты по существу построены на описании их приключений и образа жизни. Однако самое любопытное то, что остяцкие богатыри наделены рядом качеств, которые фиксируются на источниках эпохи энеолита и могут свидетельствовать о сохранении в эпосе представлений о мифических героях. Имеются ввиду такие признаки как прозрачность тела, свидетельствующая о красоте и чистоте души и тела богатырей²⁰ и крепость суставов рук и ног²¹ — ягчий синоним, заключенной в них силы.

Слияние в одном образе черт мифических и эпических героев или наложение на архаичные представления более поздних отмечаются на материалах по изобразительному искусству эпохи средневековья и легко вводит исследователей в заблуждение. Например, В.Н.Чернецов называл мэнквами или существами со смешанными человеческими и медвежьими чертами, изображения на бронзовой бляхе из-под Березова²². Сейчас же все большее число археологов и этнографов трактует их как образы богатырей²³.

Второй компонент интересующей нас композиции — многоугольник, построенный при слиянии четырех сотовых фигур — известен в орнаменте сартыньинской керамики, но не имеет параллелей в этнографических материалах. Последнее обстоятельство, к сожалению, сказывается на его дешифровке, напротив, составляющие многоугольник "соты" широко встречаются в разновременных источниках. Они обычны для орнамента зауральской и кондлийской керамики, датирова-

мой энеолитом — ранним бронзовым веком. Сохранение этих знаков в орнаменте обских угров, по-видимому, не случайно и свидетельствует о принадлежности их к числу канонизированных. Хансы и манси понимают под ними изображения бобра (рис. 5, 2-3)²⁴, медведя²⁵ или "мамонта"²⁶. Несмотря на известное почтительное отношение западносибирских народов к останкам плейстоценовой фауны, (в частности, их приношение на святилища)²⁷, две первых версии представляются нам более приемлемыми, так как бобр и медведь были возведены в ранг культовых животных. Однако в обскоугорском фольклоре образы медведя и мифических героев не противопоставляются, а наоборот, сливаются в одном персонаже²⁸. Данное обстоятельство можно рассматривать как косвенный аргумент в пользу того, что мы имеем дело со стилизованным изображением бобра. Быть может ритмичное соединение четырех составных фигур и объединение их в один знак указывает на фантастические размеры зверя? Кстати, по конфигурации многоугольник повторяет поздние реалистичные изображения водяного грызуна.²⁹

Определив некоторые из возможных семантических значений элементов, входящих в композицию на тулове сосуда, попытаемся объяснить содержание второго сюжета. Вероятно, здесь запечатлена финальная сцена борьбы мифического героя с фантастическим зверем — бобром. Охотник, наделенный самыми лучшими качествами (красотой и силой), находится в определенной оппозиции животному, которое, судя по величине, олицетворяет достойного соперника и желанную добычу. Место расположения композиции на сосуде — прямое указание на значимость данного события в мире людей. Здесь уместно добавить, что специализированные и очень архаичные по церемониалу бобровые промыслы отмечены В.Н.Скалоном на водоразделе рр. Конды и Сев. Сосьвы еще в недавнем прошлом³⁰. Самые же ранние

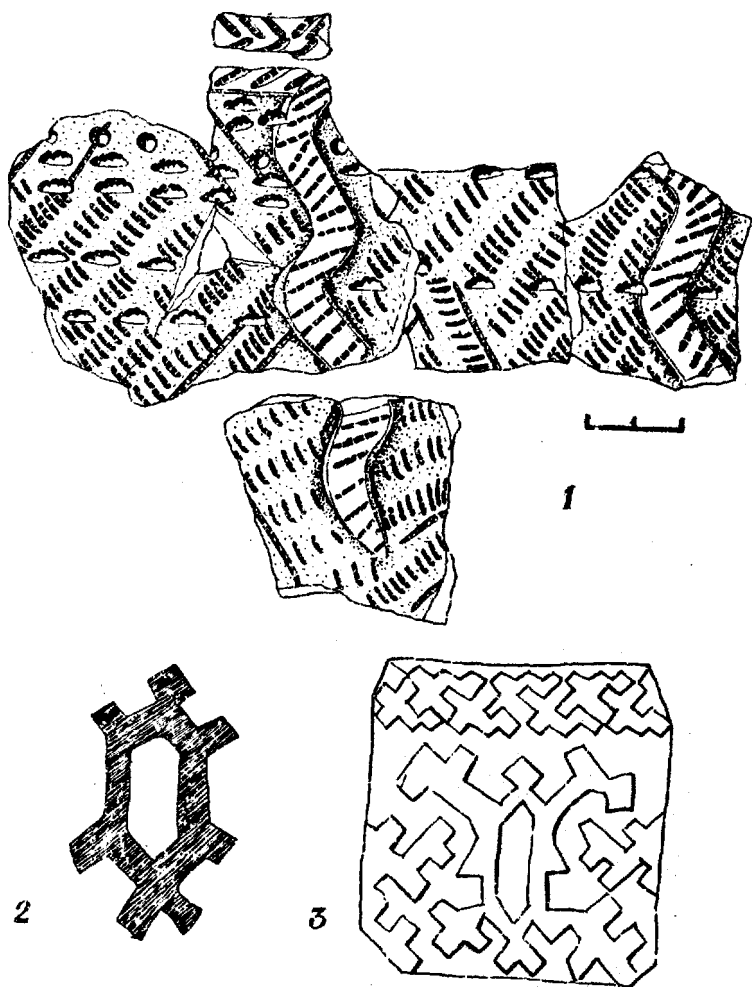

Рис. 5. Стилизованные изображения животных: 1 - змеи на сосуде с пос. Волонча I, 2-3 - бобры (по В.Н. Скалону и И.Н. Гемузу).

свидетельства почтительного отношения к боору на данной территории получены при раскопках сезонных промысловых лагерей (от. Аты-мыя УП, пос. Геологическое УП, жилище № 3), датированных энеолитом — бронзовым веком.

Сюжет третий. Борьба сил добра и зла.

При анализе первого графического текста отмечалось, что в нем отчетливо прослеживается сюжет борьбы обитателей среднего и нижнего миров. Однако это повествование как бы растворено в космологическом мифе и, разумеется, лишено конкретики. Между тем в керамической коллекции пос. Волонча I имеются три сосуда, позволяющие восполнить возникший пробел. Они любопытны тем, что на них также встречены антропо- и зооморфные изображения. К сожалению, работа с источниками затруднена по причине их неудовлетворительной сохранности.

Сосуд с антропоморфными изображениями (рис. 6) украшен снаружи чередующимися по вертикали поясами. Они, в свою очередь, собраны из половинок сотовых фигур, размещенных с небольшим интервалом друг от друга. Промежутки между ними — наименования по форме дерева с широкой кроной — заполнены глубокими наколами гребенки.

Антропоморфные фигуры помещены на внутренней стороне горшка (рис. 6, 2-3). У них не сохранились головы и верхние части туловищ, фрагментарно представлены конечности. Отличия от первого изображения (рис. 2, 1) проявляется в прорисовке тел (в основании они не параболлические, а трапециевидные), в контурной передаче бедер и, в одном случае, предплечья. Вместе с тем, две последних фигуры тоже не идентичны. Они различаются манерой прорисовки "позвоночника" и формой бедер.

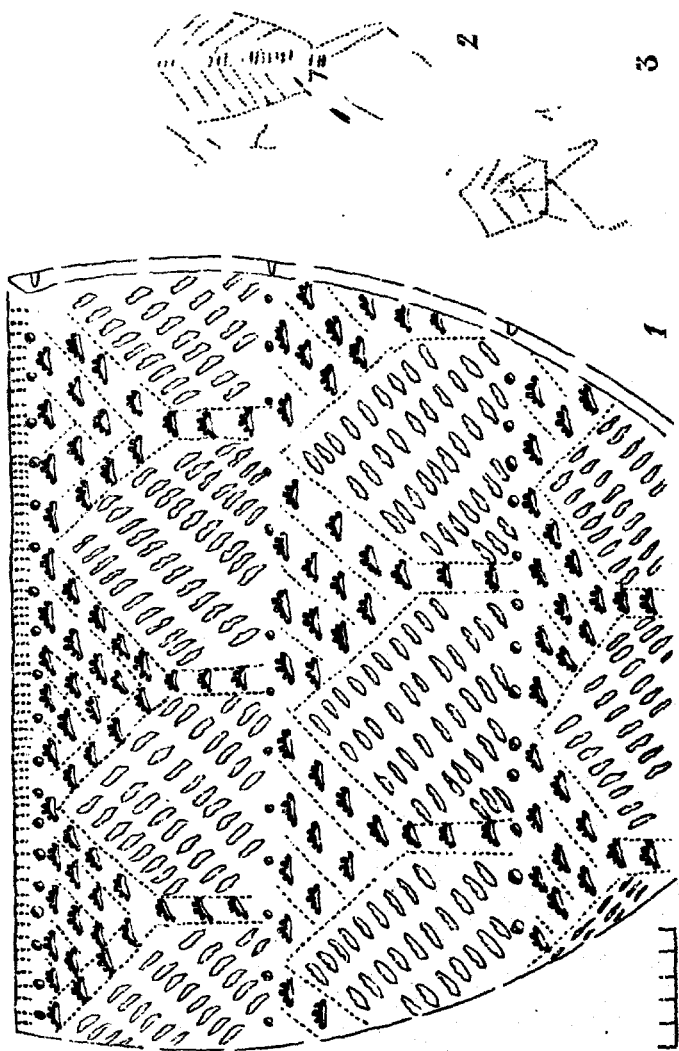

Рис. 6. Реконструкция сосуда (1) и фрагменты антропоморфных фигур (2-3).

В орнаменте двух других сосудов отмечены изображения змей.

В одном случае они объемные и находятся на внешней стороне стежка. Гады выполнены из украшенных лент глины, которым придана характерная волнистая форма (рис.5, I). Древнему мастеру удалось необыкновенно точно передать динамику их движения вверх к устью горшка и явное стремление проемикающихся проникнуть вовнутрь емкости. Однако ввиду неудовлетворительной сохранности сосуда установить количество особей сложно. Затруднения вызывает и реконструкция орнаментальной схемы в целом. Самые близкие параллели данному сосуду имеются на среднеазиатских памятниках второй половины II тыс. до н.э. ³¹ Широкое распространение подобных находок, относящихся к разному времени, свидетельствуют, возможно, о наличии еще одного широко распространенного в древности сюжета, о содержании которого можно лишь догадываться.

В другом случае изображения плоскостные и представляют шесть (?) вертикальных гребенчатых зигзагов, восходящих по внутренним стенкам от дна до устья сосуда (рис.7). Орнамент снаружи разбит на три широких горизонтальных зоны, разделенных между собой глубокими наколами гребенки. Сами зоны - сплошные поля чередующихся прямоугольных колонок из наголов и вертикальных отпечатков гребенчатого штампа.

Понять функции, возложенные на антропоморфные существа, скрытые внутри емкости, позволяет сообщение А.Каннисто, полученное от кондинокских манси. В нем говорится о духе - покровителе мужского пола у жителей деревни Леуши, к которому обращаются следующим образом: "мос - князя, сердитый сын, мос - князя, злыдый сын, хороший сын нашего делушки, сын пятого лесного котла, сын шестого лесного котла". Из определений духа-покровителя самым загадочным выглядит термин "лесной" котел. А.Каннисто пишет, что лесными кот-

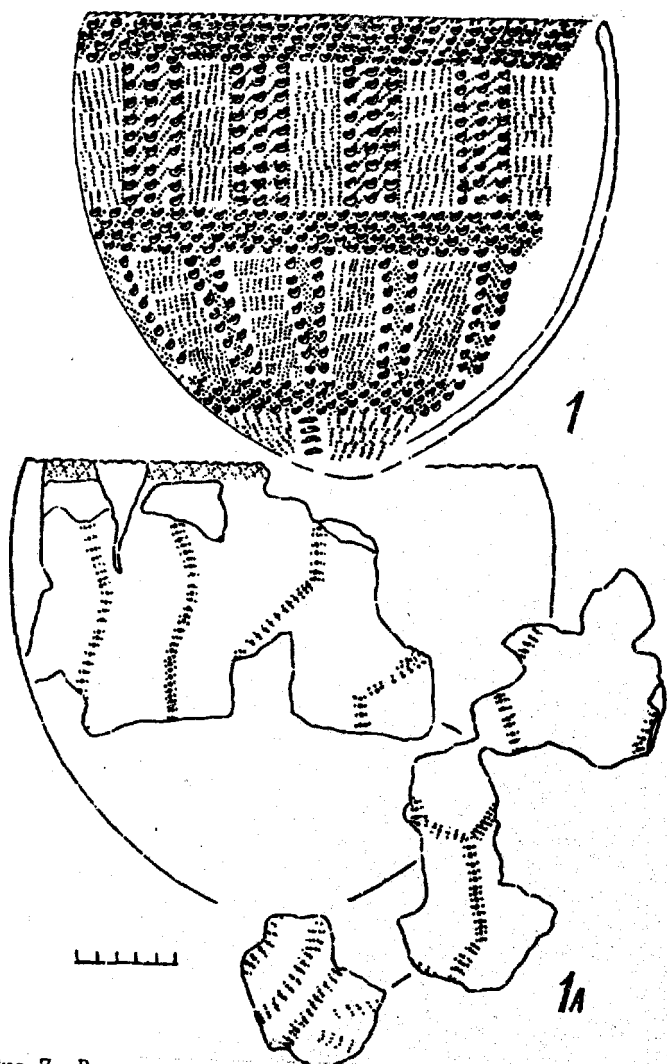

Рис. 7. Реконструкция сосуда с зооморфными изображениями с поселения Волвонча I.

лами называются леса с очень высокими деревьями, в которых охотник ходит как по дну котла ³². Проведение параллелей между волончинским сосудом с антропоморфными изображениями и образом лесного котла, а одного из существ с мос — князем выглядит очень заманчиво. Несмотря на исключительное созвучие археологических и фольклорных данных, следует весьма осторожно подходить к их отождествлению, так как источники разновременны и совпадение может иметь случайный характер. Вместе с тем, вполне допустимо, что антропоморфные существа или мифические герои, размещенные внутри сосуда, выполняли охранительные функции. Враждебные силы, как можно было неоднократно убедиться ранее, действовали в облике змей. Однако факты помещения пресмыкающихся на внешних и внутренних стенках горшков убеждают в почтительном к ним отношении. Следовательно, подчеркнутый антагонизм обитателей верхнего (среднего) и нижнего миров носит символический характер. Еще раз приходится констатировать, что мифические герои не всемогущи, поскольку не всегда могут противостоять действиям условных противников. О том же свидетельствует, на наш взгляд, семантика сетчатых мотивов. Их размещение на пути движения пресмыкающихся на рисунках — прямое указание на сакральный характер данных узоров, способных удержать от порчи существ, населяющих верхний (средний) мир. Эти выводы согласуются с этнографическими данными, полученными у коми. Известно, что они использовали в качестве оберегов сетчатые плетеные пояса и обычные сети ³³. Обращение к приведенным сведениям вполне оправдано, так как у коми сохранялись остатки верований и обрядов, восходящих к общему мировоззренческому пласту представлений таежных охотников обширной зоны Европейской России и Сибири ³⁴.

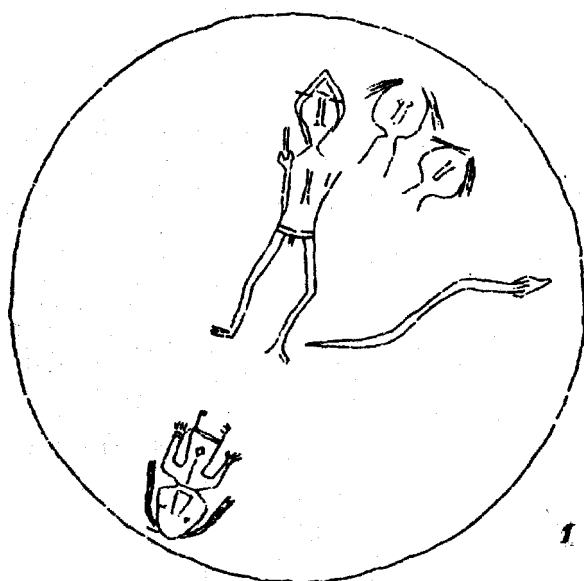
К сюжету о противопоставлении сил добра и зла, ассоциируемых с антропоморфными существами и пресмыкающимися, таежное западно-

сибирское население возвращалось и в более позднее время. Свидетельство тому — гравировки на металлических предметах (рис.8), датируемых ранним железным веком — средневековьем³⁵. Значительный интерес имеют записи В.Пигнатти, сделанные им в начале века р.Конде. В них отмечается, что жители р.Конды, которая изобилует змеями, веруют в способность муравьев не подпускать змей к жилью человека. "Между муравьем-тружеником, подобным человеком и "проклятой" идет извечная борьба"³⁶.

В заключение хотелось бы отметить, что мифические повествования древнего кондинского населения, конечно же, не исчерпываются тремя рассмотренными сюжетами. Вместе с тем, даже они свидетельствуют об устоявшейся системе воззрений на мир и место, которое занимает в нем человек. Космологический миф в данной системе является стержневым, тогда как другие мотивы входят в него на уровне составляющих частей.

Центральные действующие лица во всех графических текстах — антропоморфные существа, которых следует рассматривать в качестве образов каких-то мифических героев. Выполняя пояснительные, охранительные и иные функции, они являются своеобразными медиаторами во взаимоотношениях между человеком и окружающими его природными силами. Здесь уместно сослаться на данные, полученные у обских угров, у которых почти повсеместно сохранились такие посредники в виде духов-покровителей³⁷. Есть все основания предполагать, что истоки этих образов восходят к прежним мифическим персонажам.

Антропоморфные изображения на керамике пос.Волвопча I любопытны и с точки зрения иконографии. Вычисленные в одной манере и стиле они демонстрируют существование у таежного населения уже в эпоху энеолита определенного канона. Археологические источники последующего времени и материалы по изобразительному творчеству

1

2

Чис. 8. Параллели гретьему сюжету в материалах средне-
вековья (1) и железного века (2). По В.Н.Черне-
цову, И.Н.Сосновкину и В.П.Корогаву.

обских утров свидетельствуют, что требования, предъявляемые к воспроизведению антропоморфных существ менее всего варьируют к востоку от Урала — на северо-западе Сибири.

Значительное количество точек соприкосновения археологических, этнографических и фольклорных данных, к которым пришлось обратиться, объясняется не только универсальностью сюжетов и средств их передачи. Совершенно очевидно, что сохранение традиционных черт в духовной сфере предопределено хозяйственным укладом рыболовов и охотников, неизменность которого была обусловлена средой обитания.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р.Конды // ВУ. Вып. 20. Свердловск. 1990. (В печати).

² Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3, с. 58.

³ Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р.Конде // СА. 1988. № 3. С. 162.

⁴ Стефанова Н.К. Отчет об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в зоне строительства Кондинского рыбопитомника. Т. I // Архив КА УрГУ. Ф. П. Д. 320. Автор выражает искреннюю признательность Н.К. Стефановой за разрешение использовать в работе неопубликованные источники.

⁵ См.: Мелетинский Е.М. Первоисточники истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М., 1972; Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984, с. 10; Евсиков В.В. Мифология китайского неолита. Новосибирск, 1988, с. 32.

⁶ Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов

лов // Ранние формы искусства. М., 1972, с.93.

⁷ Евсиков В.В. Указ соч., с.33.

⁸ Топоров В.Н. Указ. соч., с.96.

⁹ Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА, 1856. № 47.

Рис.135.

¹⁰ Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984, с.170.

¹¹ Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САМ. 1971.

В4-12(2), рис.51,3.

¹² Там же, рис.8,3 и рис.51,1.

¹³ Там же, с.76.

¹⁴ Кокшаров С.Ф. К вопросу о содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990, с.79-83.

¹⁵ Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976, с.67,72.

¹⁶ В работе использована реконструкция идола, проведенная В.Я.Толмачевым, см.: Толмачев В.Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // ИИАК. Вып.60. СПб.: 1916, табл.Ш.

¹⁷ Окладчиков А.П., Петрич В.Т. Новая пещера на Урале с палеолитическими росписями // Природа. 1982. № I, с.73, рисунок на с.74.

¹⁸ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч., с.75.

¹⁹ Patkanov S. Die Irtyusch-Ostjaken und ihre Volkerossie. Teil II. St.Peterburg. 1897.

²⁰ Патканов С. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по быгнам и сказаниям // Живая старина. Вып.Ш, 1891, с.108.

²¹ Patkanov S. Die Irtyusch Ostjaken ....с.11,14,16.

²² Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА. 1956. № 58, табл.ХП, 2.

²³ Гемус И.Н., Сягалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были

таежного края. Новосибирск, 1989, с.86-89.

24 Скалон В.Н. Речные бобры Северной Евразии. М., 1951, рис.20.

25 Заплатин М.А. Хранит тайга языческие тайны // Атеистические чтения. Вып.12. 1982. Рисунок на с.77.

26 Иванов С.А. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - начала XX в. // ТИЭ, новая серия. Т.XXII. М.-Л., 1954, рис.22,2.

27 Косинцев П.А. Костные остатки из средневековых святилищ Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985, с.77.

28 Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., Наука, 1972, с.137; Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990, с.124-125.

29 Косинцев П.А., Морозов В.М., Терехова Л.М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988, с.52-54.

30 Скалон В.Н. Указ. ссч., с.103-104.

31 Сарнианиди В.И. Культовый сосуд из Маргшаны // СА. 1960. № 2, с.167-179.

32 Kammisto A. Materialien zur Mythologie der Vogulen // MSFOu. Vol.113. 1958, s.190.

33 Грицова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980, с.90.

34 Конаков Н.Д. Общие черты в традиционном мировоззрении Коми и народов Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985, с.66.

35 Чернецов В.Н. Нижнее Приобье..., табл. , 2; он же. На-

скальные изображения...; рис.55,2; Сосновкин И.Н., Коротаев В.П.
Гравированные изображения на сургутских бляхах // Вопросы истории
Западной Сибири. Вып. I. Тюмень, 1974, рис.5 на с.122.

³⁶ Пичнятки В. Краткое сообщение о поездке на р.Конду летом
1910 года // ЕИИМ. Вып. XX. Tobольск, 1912, с.9.

³⁷ Kannisto A. Materialien zur Mythologie ..., s.172-191;
Гемуев И.Н. Мировоззрение манси, с.29-161.

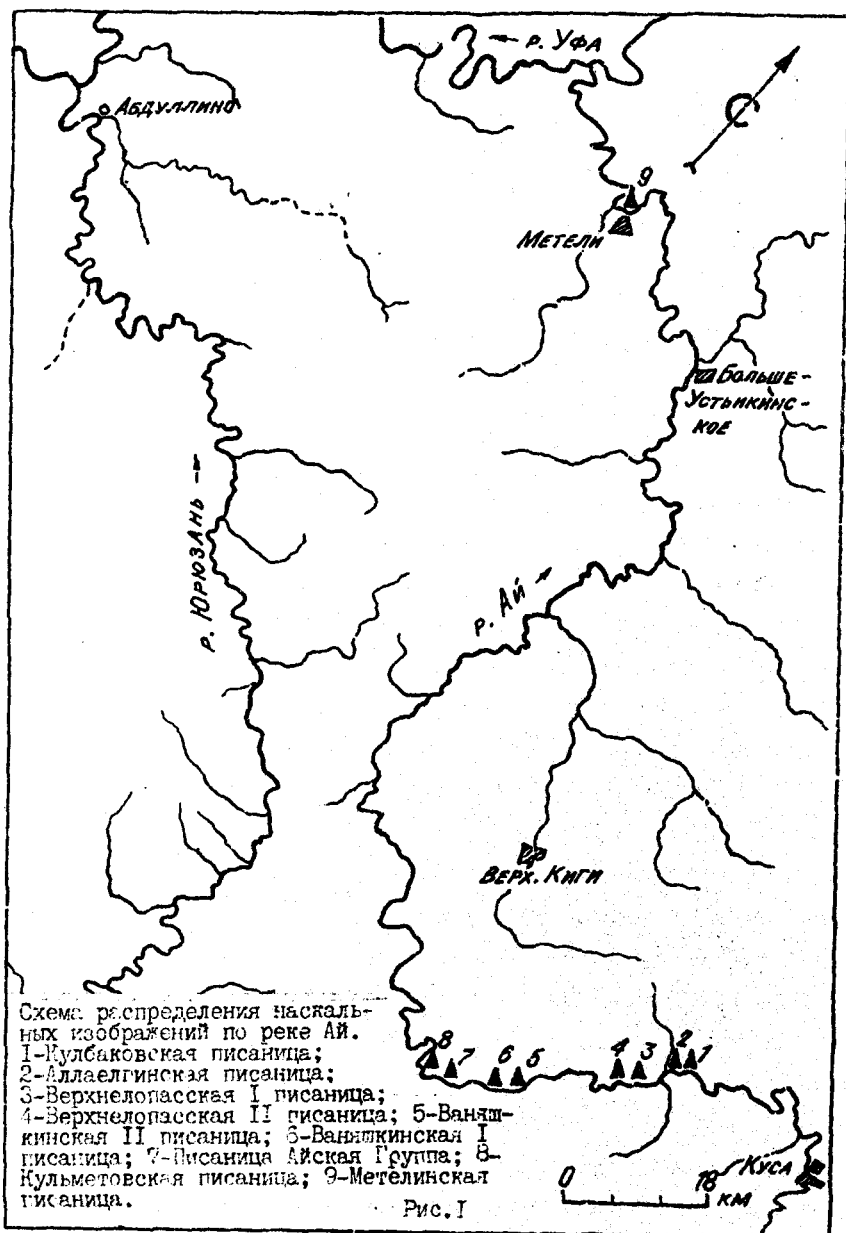
Истоки Ая находятся на восточном склоне хребта Уреньга, в том районе, где среди переплетения горных массивов берут свое начало реки западного и восточного склонов Каменного пояса: Юрзань, Белая, Инзер, Миасс, Уй, Урал. На своем пути Ая пересекает три основных ландшафтных участка. В верхнем течении до села Лаклы река быстро бежит в горно-лесной местности. Здесь широко развиты известняки девонского возраста, толстослоистые, прочные, с хорошими плоскостями. Скальные обнажения достигают подчас высоты 80-120 м и образуют гряды, протяженностью иногда до нескольких километров. Пойменные участки повсюду покрыты черемухой, ольхой и различными кустарниками. Склоны бортов долин, плато и перевалы залесены хвойными и лиственными породами. Участок среднего течения лежит среди Меслятувской лесостепи. Сильно меандрирующее русло медленно несет воды реки среди низменных, заболоченных берегов с остепненными, открытыми пространствами. В нижнем течении, у впадения в Уфу Ая пересекает Уфимское плато с сильно расчлененным рельефом. Ландшафт на этом участке напоминает верховья. Но среди горно-лесной растительности гораздо чаще можно встретить примесь таких лиственных пород, как липа и вяз. Скальных обнажений значительно меньше, они представлены тонкослоистыми известняками и конгломератами, сильно выветрелыми. Большая их часть погребена крутыми склонами осыпей и открытые скальные участки, как правило, находятся на значительной высоте над водой - до 30-40 м, подобраться к которым непросто из-за крутизны склонов.

Впервые древние рисунки на Ае были обнаружены зимой 1977-1978 гг. В.Г.Еремеевым и С.Е.Чаприкным. Во время разведочного маршрута весной 1978 г. В.Т.Петрину, В.И.Стефанову, С.Е.Чаприкну,

В.Т.Еремееву и А.Ф.Шорину удалось найти шесть писаниц на участке реки от г.Кусы до села Лаклы.

В 1982 г. В.Т.Петриным и мною был повторен маршрут в верхнем течении Ая. Эта поездка увенчалась открытием еще двух писаниц. В дополнение к обследованию береговых обнажений известняков мы осмотрели и знаменитую Лаклинскую пещеру — обширную карстовую полость, но поиск изображений в ней не принес положительных результатов. Краткое описание айских наскальных изображений и выборочная публикация рисунков осуществлены В.Т.Петриным в двух работах¹. В настоящее время появилась возможность существенно пополнить эти материалы, добытые во время кратких разведочных маршрутов. Наши исследования показали, что только длительные наблюдения над рисунками помогают их максимально точному "прочтению", причем часто многое зависит от времени суток. Еще более продуктивным оказывается наблюдение рисунков в разное время года, неоднократное их посещение, как бы вливание в материал. Только в этом случае возможна расшифровка некоторых фигур. Определенный интерес представляют и результаты наших рекогносцировочных раскопок непосредственно возле скальных плоскостей с древними изображениями. Как будет показано ниже, они дают определенные возможности для датирования наскальных рисунков и, что не менее интересно, проливают свет на археологический контекст писаниц.

В данной работе подводится определенный итог исследования наскальных изображений реки Ая, начатого в конце семидесятых годов. В 1988 г. группой под руководством автора проведено дополнительное обследование территории, на этот раз до устья Ая. Осмотрен также небольшой участок реки Уфы до речпорта Караидель. Во время маршрута обнаружена писаница в районе Уфимского плато, а также выявлены новые фигуры на известных ранее писаницах, чем сущест-

венно пополнены и уточнены их материалы. Дополнительная информация с памятниках получена при раскопках под рисунками. Автор искренне признателен всем членам экспедиционной группы за их вдохновенный труд: художнику Г.В.Шаройкину, студентам УрГУ Е.В.Кузнецовой и Э.К.Касимову.

Главный акцент в работе сделан на подробное описание памятников с тем, чтобы ввести материалы в оборот, сделать возможным их дальнейший анализ. Автор не ставит своей задачей подробное обсуждение и интерпретацию айских писаниц, надеясь в дальнейшем уделять этому сюжету особое внимание.

Описание памятников приводится сверху вниз по течению реки.

Кулбаковская писаница расположена в Верхне-Кигинском районе БАССР, на правом берегу реки Ай, примерно в 0,8 км к западу от д.Кулбаково.

Обгибая деревню, река ниже ее имеет направление с северо-востока на юго-запад. Примерно в 150-200 м от Кулбаково начинается скальная гряда, протяженность которой составляет около 4 км.

Верхняя по течению часть гряды сильно расчленена, через 200-300 м она тянется более или менее сплошной стеной. Высота обнажения 15-20 м.

Ширина долины реки около 300-400 м, русла - 50-70 м. Левый берег низкий, прослеживается первая надпойма, залесенная кустарником, ольхой и черемухой. На склонах долины - береза, липа, осина. От скалы на первую надпойму, высота которой около 4,5 м над меженью, опускается осыпь, большей частью задернованная и поросшая папоротником и крапивой. В верхней части скальная гряда близко подходит к руслу, в нижней отходит от него почти на 100 м. Ниже скалы выпас, от него на север уходит суходол.

Фрагменты древних изображений обнаружены в четырех местах

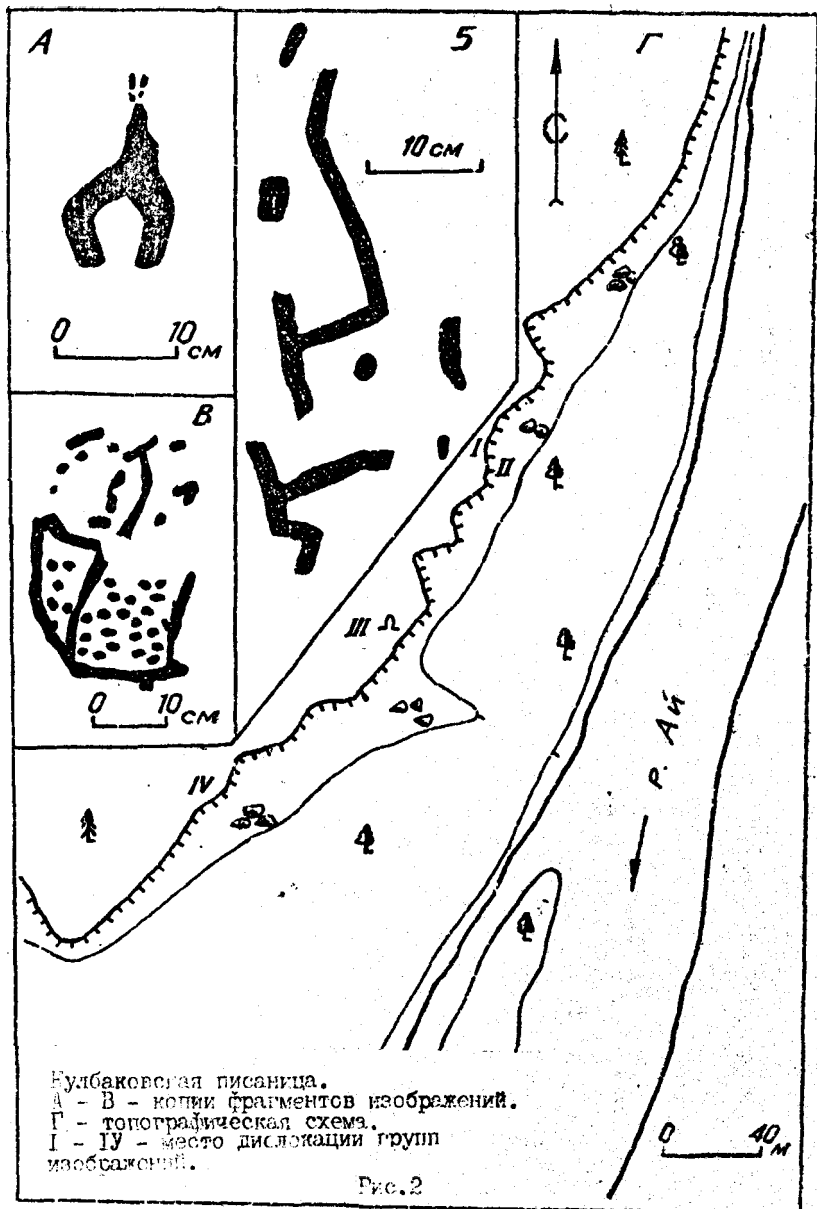

Рис. 2

(рис. 2). В основном это следы краски, трудноразличимые остатки каких-то фигур. Скопирована лишь часть изображений в трех местах. Одно из них находится в скальной нише шириной 10 м. Рисунки нанесены четырьмя группами на плоскостях, имеющих легкий отрицательный наклон. Расстояние до реки около 50 м, высота подошвы скалы над меженью около 12 м. Высота известнякового обнажения здесь 6-8 м. Азимут плоскостей группы слева направо: 1 - 0° - 180° ; 2 - 90° - 270° ; 3 - 0° - 180° ; 4 - 30° - 210° .

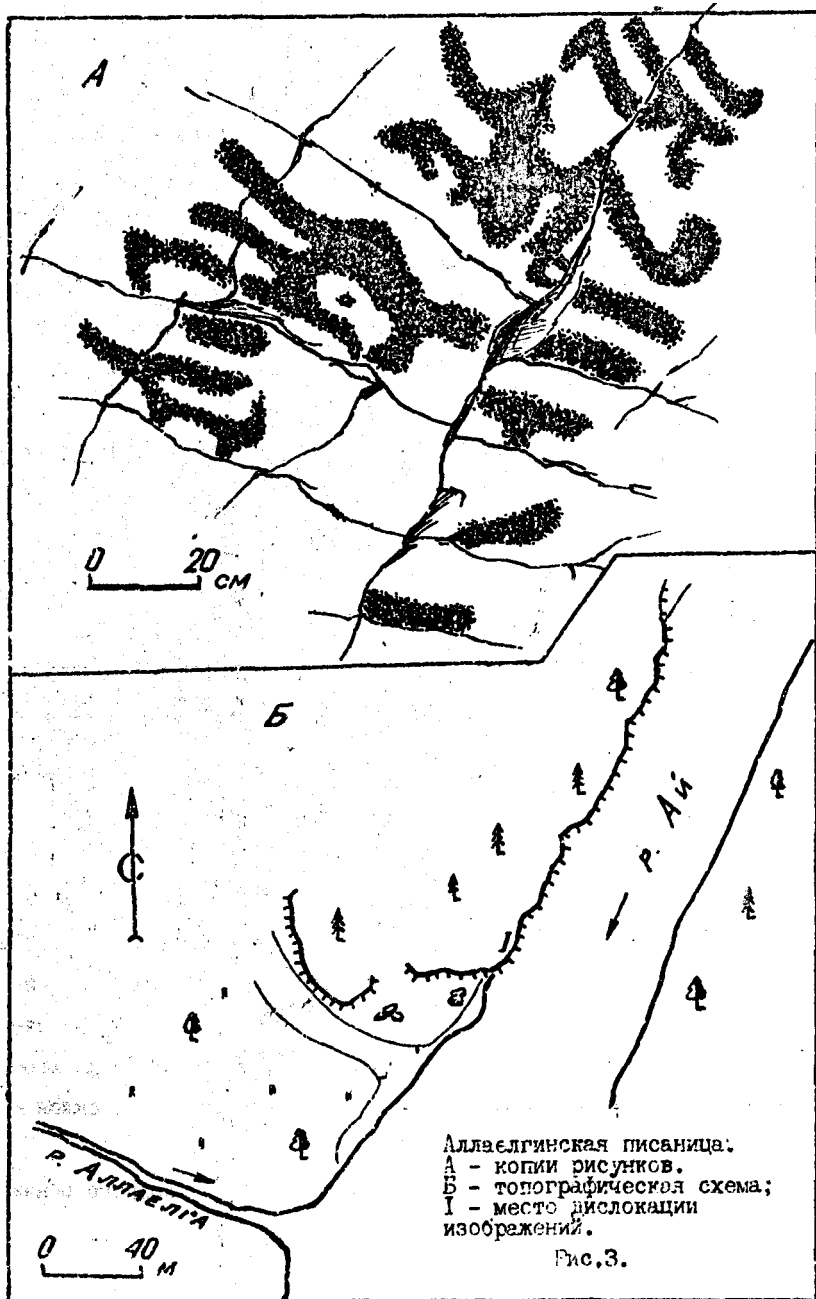
Изображения наносились с широкого скального карниза с горизонтальной поверхностью. В центральной части ниши, под небольшим навесом рисунки цвета бледно-лиловой охры. Сохранность изображений плохая, они попорчены механическим отслаиванием корочки, на которую были нанесены, и современными надписями. Разобрать какие-либо законченные фигуры не удастся. Лишь в центре, в позиции справа сверху, на высоте 1,9 м на серовато-желтой корочке видна фигура в виде вертикальной линии, ошупенной на ромб с разомкнутым нижним углом. Ширина линий 3-4 см. Более всего изображение напоминает схематическую антропоморфную фигуру (рис. 2-А). Размеры ее 9,5 x 15,5 см. Подобные рисунки встречаются на среднеуральских писаницах. Например, в бассейне Исети известны два пункта - на оз. Мелком² и близ ж/д станции Палдино с очень близкими фигурами (последняя до сих пор не опубликована). Слева, на соседней плоскости и на той же высоте фрагменты линий шириной около 1,8-2 см, напоминающие остатки ромбической сетки - фигуры, часто встречающейся на писаницах Урала. И, наконец, примерно в 50 м ниже по течению реки сохранились остатки еще одного изображения - слева с перекрещивающимися внутри него линиями, делящими его на сектора, площадь которых заполнена пятнами. Размеры фигуры 23 x 37 см, цвет близок изображениям в I и II группах, но не-

сколько бледнее. Ряды пространственно организованных отрезков, скопления пятен представлены на многих памятниках. На Среднем Урале достаточно указать Шайтанскую писаницу или писаницу на Двуглазом Камне, на Южном - Ваняшкинскую II, описание которой будет приведено ниже. Но мне неизвестно ни одного случая, когда бы пятна или отрезки были заключены в определенную рамку. Эта особенность отличает данную фигуру от всех уральских и затрудняет ее интерпретацию. Можно согласиться с В.Т.Петринным, видевшим аналогии ей в материалах Забайкальских писаниц³. Говорит ли это о каких-то связях двух регионов? Как мне представляется, положительно на этот вопрос ответить нельзя, так как данный рисунок выступает чуть ли не единственной аналогией. В принципе, не исключен вариант и неверной дешифровки рисунка из-за его плохой сохранности. Возможно, это остатки все той же сетки с заполненными точками полями. Еще ниже по течению сохранились лишь едва заметные фрагменты краски, обозначенные как четвертая группа: она не копировалась из-за неудовлетворительной сохранности.

Аллаэлгинская писаница находится в Верхне-Кигинском районе БАССР, на правом берегу реки Ай, примерно в 4 м ниже по течению от д.Кулбаково. В 2 км ниже расположена деревня Асылгузино.

Протяженность скальной гряды 150-200 м, высота около 15 м; она отвесно обрывается в воду. Под скалой глубокий омут. В 100 м ниже скалы впадает р.Аллаэлга (рис. 3). Долина широкая, левый берег не виден. Ширина реки 45-50 м. Известняк слоистый, молочно-серый, покрыт оранжевыми лишайниками. Скала обращена на юго-восток. Пойма залесена ольхой, черемухой и кустарником, склон - липой и березой, вершина скалы - сосной.

Рисунки нанесены в нижней по течению части скального обнаже-

ния, недалеко от места его перехода в долину Аллвелги. Здесь узкая пойма, сложенная аллювием и обломочным материалом, выклинивается и обрывается в воду.

Высота расположения изображений над уровнем реки 5,5-6,7 м (нижняя и верхняя границы). Скала здесь вертикальна, доступ к рисункам возможен только с применением скального снаряжения, либо с помощью деревянных лесов. Нами для копирования применена последняя конструкция.

Площадь плоскости с рисунками 1,4 x 1,2 м, ее азимут 60°-240°. Участок скалы сильно трещиноват, на известковом натее желтовато-серого цвета имеются сколы и каверны. Изображения разрушены за счет механических повреждений поверхности. Цвет краски - темно-лиловая охра. Композиция состоит только из волнистых пересекающихся линий, ориентированных наклонно и горизонтально (рис. 3-А). Ширина линий 4-5 см.

Необычность этой писаницы в том, что на ней нет вообще ни одной привычной фигуры. Вероятно, именно нанесенные волнистые линии, в некоторых случаях смыкающиеся и переплетающиеся, составляют смысловую основу этой композиции. Близкие зигзагообразные линии найдены на Малоязской писанице на реке Призань, также расположенные на значительной высоте над глубоким омутом. Вероятно, в обоих случаях рисунки наносились со льда. Данное наблюдение играет немаловажную роль в дальнейшей интерпретации писаниц. Отличие между ними заключается в том, что ширина линий на Аллвелгинской писанице достигает значительных размеров, в то время как на всех остальных она колеблется в пределах 1-2 см, редко достигая трех. Отражает ли это хронологические особенности данного памятника или же тут дело в чем-то другом, сказать трудно. Можно указать лишь на находку глыбы у входа в перекрытую льдами пещеру

ниями подземную полость грота Кульметовского. На этой глыбе мы обнаружили три красных линии абсолютно такой же ширины. Подробное описание этого факта будет приведено ниже. Сейчас же лишь отмечу, что такое наблюдение позволяет предположить определенные связи между двумя памятниками, так как подобная ширина линий не типична для рисунков ни Среднего, ни Южного Урала.

Далее следует пункт, обозначенный как Верхне-Лопасская I писаница. Ее краткое описание приводится В.Т.Петриным⁴. Ни им, ни мною писаница никогда не копировалась, так как здесь имеются лишь незначительные фрагменты краски. Также пункты важны лишь тем, что дают указание на районы распространения подобных памятников.

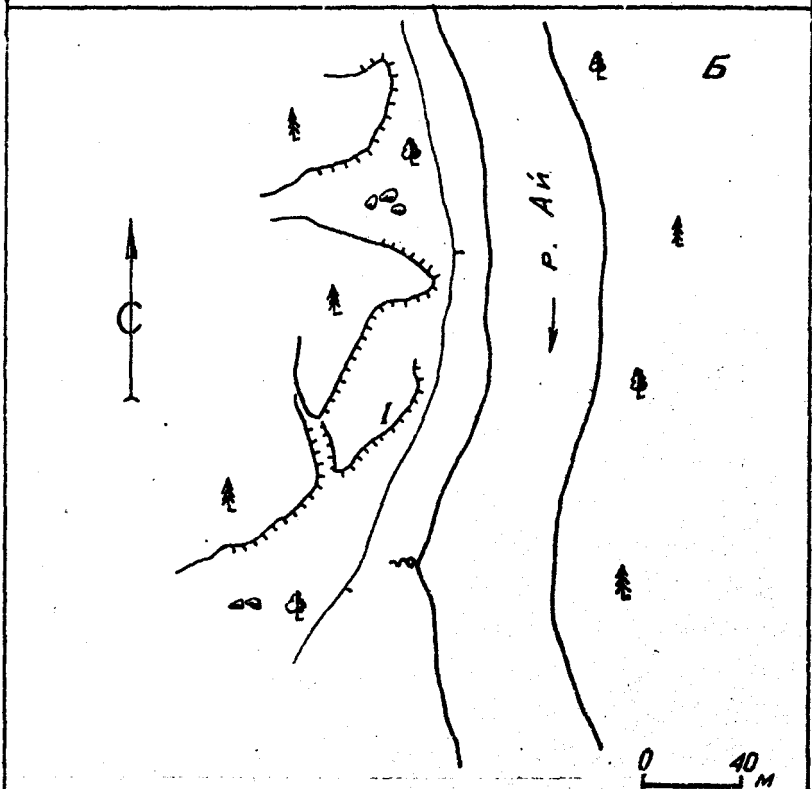
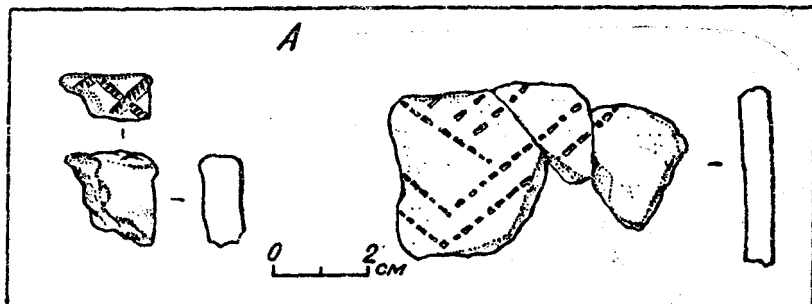
Писаница Верхне-Лопасская II расположена в Верхне-Кигиновском районе БАССР, на правом берегу реки Ай, в I-I,5 км ниже по течению от деревни Верхний Лопас.

Сразу же за деревней в Ай впадает крупный ручей, после которого вдоль реки начинаются скальные выходы в виде "бойцов". На предпоследнем обнажении, расположенном близко от воды, нанесены древние рисунки (рис. 4).

В этом месте вдоль реки всюду бьют роднички, особенно сильный есть к югу от скалы.

Направление Ай с севера на юг, ширина русла около 40 м. Расстоянке до скалы 20-25 м, ровный участок осыпи у известнякового обнажения находится на высоте 4,5 м. Долина широкая, около 1 км, правый берег скалистый, крутой, левый - равнинный, залесен сосной, березой, ольхой.

Скала сложена светло-серыми толстослоистыми известняками, покрытыми во многих местах лишайниками. Общая экспозиция обнажения восточная. В центральной части имеются два навеса друг возле

Верхнелопасская II писаница.
 А - керамика из шурфа. Б - топографическая схема; I - место дислокации изображений.

Рис. 4

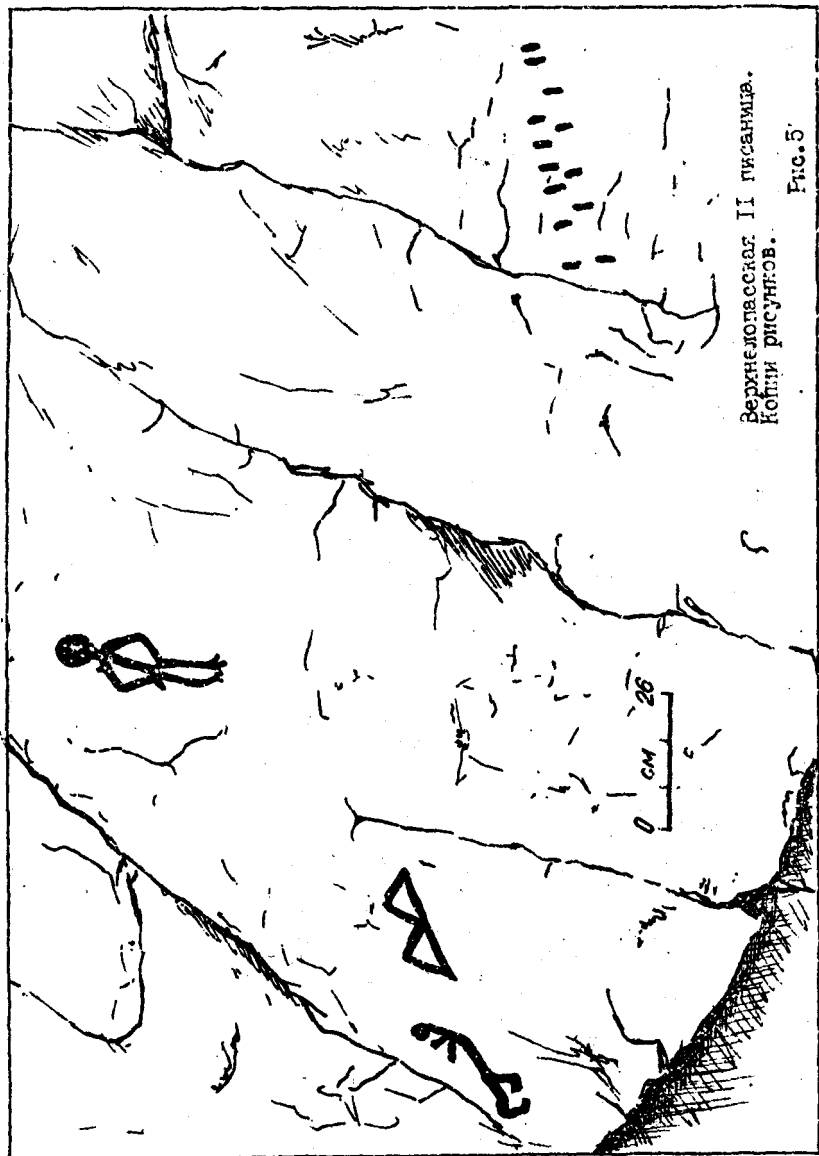
друга. Под первым, верхним по течению, обнаружены рисунки.

Плоскость, на которую они нанесены, имеет легкий положительный наклон - 70° - 80° , обращена к югу: ее азимут 55° - 235° . Размеры плоскости 2,8 x 1,4 м. Поверхность, покрытая известняковым налетом, рассечена четырьмя вертикальными трещинами. Рисунки нанесены по корочке серовато-желтого цвета.

Нижние изображения расположены на высоте 0,96 м от осыпи. Позицию крайнюю слева занимает плохо сохранившаяся фигура, напоминающая отчасти антропоморфную (?). В 10 см вправо - смыкающиеся основаниями два треугольника, размерами 19,5 x 6,5 см (сложный лук?). В 25 см вправо и в 32 см выше антропоморфное существо, размерами 30 x 11 см. Голова округлая, крупная, туловище прямое, ноги сходятся к ступням, одна конечность фигуры трехпалая. Руки согнуты в локтях и опущены на пояс, на плече выступ, направленный вверх, на бедре имеется выступ, опущенный вниз. На расстоянии 1,4 м вправо от фигуры I, на той же высоте - пятна краски в два ряда, Всего их (пятен) как-судит, 16. Ширина линий в этой группе 1,2-1,5 см. Цвет краски темная охра - марс коричневый.

В 4,05 м к Ю-Ю-З от фигуры I, на высоте 1 м над осыпью, на плоскости, ориентированной по азимуту 0° - 180° , нанесена какая-то сложная геометрическая фигура очень плохой сохранности. Удастся разобрать какие-то пересекающиеся линии. Группа не копировалась.

Антропоморфное изображение этой писаницы необычно с точки зрения проработки некоторых деталей, в частности трехпалой нижней конечности и выступов на плече и бедре. На других писаницах такие детали у антропоморфных персонажей отсутствуют, лишь на Северной писанице имеется антропоморфное существо с выступом на плече, но в иных материалах такая черта выступает вполне явст-

Верхнеюласская. II писаница.
Копия рисунков.

Рис. 5

енно. В частности, трехпалость прослеживается у изображений на керамике с эпохи энеолита ⁵, встречается позже и в других материалах, например, в литье ⁶. В правой части группы два ряда пятен явно следует связывать с передачей количественных отношений — счетными знаками. Такие изображения довольно часты для писаниц Урала. Фигура из двойных треугольников, интерпретированная как сложный лук, не находит близких аналогий среди известных мне уральских материалов. Возможно, семантика этой фигурки какая-то иная, тем более, что индивидуальные орудия, по мнению В.Н. Чернецова, практически не воспроизводились на писаницах.

Возле второй группы изображений заложен разведочный раскоп, размерами 3,5 x 2 м. Рыхлые отложения выбраны на глубину чуть более метра. Мощность верхнего — серого гумусированного слоя составляет 0,9—1,1 м. Он обильно насыщен щебнем и глыбами. В слое встречены отдельные угли, керамика и кости.

Ниже залегал слой желтой глины мощностью около 10 см, выклинившийся глыбовым завалом или скальным ложем. Здесь находок не обнаружено.

Керамика из раскопа представлена 11 фрагментами. Из них два орнаментированы: один от венчика, другой от стенки (рис. 4А). Последний украшен оттисками гребенчатого штампа. Вероятно, фрагменты происходят от разных сосудов. Они малы и невыразительны. Остальные черепки неорнаментированы, имеют красновато-коричневый и желто-коричневый цвет. В тесте примесь слюды. Культурная атрибуция и датировка материала затруднена, предположительно их можно отнести к эпохе железа.

В слое обнаружены кости косули (4/2), волка (8/1), зайца-беляка (1/1), птицы (4) ^х.

---

^х Здесь и далее определения П.А. Косинцева. В числителе указано

Нет ни особенных оснований связывать вещевой материал из слоя с рисунками на скале, ни отрицать такую связь. Топография памятника такова, что имеющийся навес мог быть использован и для укрытия рисунков, и для укрытия от непогоды небольшой группы людей. Характер остатков тоже не дает в этом смысле ничего определенного. Лишь в качестве предположения можно считать, что воли и рисунки имеют один возраст.

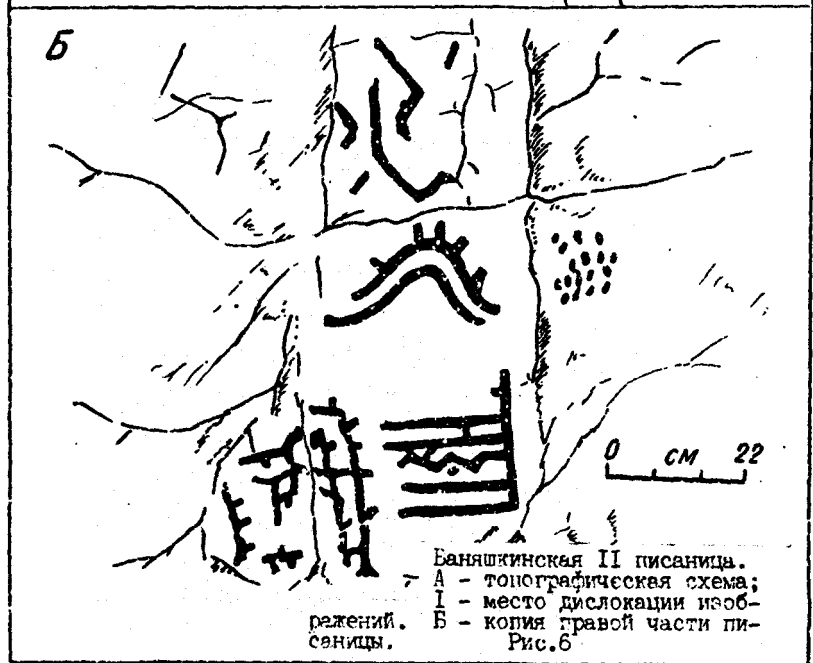
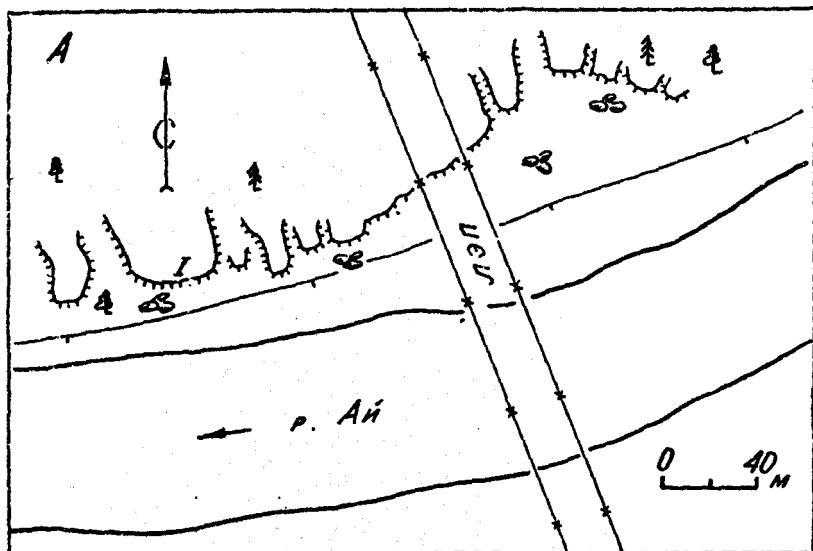
Ваняшкинская П писаница расположена в Саткинском районе Челябинской области, на правом берегу реки Ай, в 4 км выше по течению (к северу) от деревни Ваняшкино.

Скала, на которую нанесены древние рисунки, достигает высоты 15-20 м, расположена на расстоянии 30-35 м от реки. Сложена толстослоистым, молочно-серым известняком, большая часть его поверхности покрыта лишайниками оранжевого и черного цветов. В 50-60 м выше по течению реку пересекает трасса ЛЭП (рис. 6).

Ширина долины реки около 300 м, левый берег пологий, по правому тянется сильно расчлененная скальная гряда. Ширина реки около 40-50 м, течение спокойное. Пойма, высотой 1,5 м, поросла ольхой, ивой, черемухой, по склонам растут сосна и береза. Ширина участка поймы около 10 м, от скалы на нее опускается задернованная осыпь. Изображения наносились со скальной полочки или карниза, высота которого над водой 11-13 м, а над осыпью - 2,6 м. Ширина карниза 1,5 м. Плоскость, на которую нанесены изображения, с легким отрицательным наклоном, сложена крупными глыбами известняка. Поверхность их, покрытая известковым налетом от молочно-серого до желтовато-коричневого цвета, сильно

количество определенных остатков, в знаменателе - минимальное количество особей.

Баняишкiнская II писаница.
 А - топографическая схема;
 I - место дислокации изоб-
 ражений.
 Б - копия травой части пи-
 саницы.
 Рис. 6

разрушена. Общая экспозиция скалы южная, азимут плоскости с рисунками 40° - 220° .

Изображения видны на площади $3,2 \times 2,1$ м. Они очень бледные, покрыты тонкой корочкой известкового налета. Цвет - светло-сиреневый, холодный, близкий к фиолетовому. Нижнее изображение находится на высоте $0,55$ м от поверхности карниза, верхняя группа пятен в $2,1$ м от той же точки.

Этих пятен 12 , они расположены в 2 неровных ряда. Справа и слева от них поверхность ровная, а вот ниже крупное повреждение, поэтому не исключено, что пятен было больше. В 20 см ниже и вправо - 6 пятен, еще в 30 см ниже - одно пятно. В $0,5$ м ниже последнего имеются еще пятна в четыре ряда: в трех верхних по 5 , в нижнем 4 . Они расположены справа от вертикальной трещины, а слева от нее начинается основная плоскость с изображениями. В 12 см влево от последней фигуры в виде пятен нанесена двойная дуга размерами 31×9 см, выгнутая вверх; от верхней отходит 6 отрезков. Левая часть дуги повреждена разрушением поверхности; возможно, здесь находился седьмой отрезок. Предположить его логично по расстоянию между остальными отрезками. В 1 см выше дуги сложная геометрическая фигура, в 6 см ниже - схематичное изображение птицы, размерами 22×19 см. У нее поднятая вверх голова, две пары горизонтальных прямых линий - крылья и туловище, между ними - зигзаг и пятно. В 4 см влево от птицы - геометрическая фигура, сохранившимися размерами 30×50 см, в виде прямой сетки (рис. 6). Это наиболее хорошо видимая часть писаницы. Влево, на всем протяжении плоскости не удается различить ни одной отчетливой фигуры. По остаткам можно судить, что здесь всюду нанесены какие-то сложные геометрические изображения с основой в виде зигзагов, ромбов, прямоугольников. Ширина линий от 1 до $1,5$ см.

Под рисунками на карнизе рыхлые отложения были разобраны ножами. Мощность грунта здесь очень незначительная, максимум 7-10 см, в основном меньше. К сожалению, кроме двух крошечных кусочков охры ничего не обнаружено.

Остановимся несколько подробнее на обсуждении графического материала. Изображения птиц с приподнятой или вытянутой вверх головой известны на памятниках Среднего Урала. В качестве примера можно привести рисунок на писанице с озера Мелкого ⁷ или изображение, выполненное гребенчатым штампом на фрагменте керамики с Береговой стоянки ⁸. Можно найти такой прием и в технике скульптуры: ручка деревянного ковша из Горбуновского торфяника оформлена в виде напряженно вытянутой вверх головы птицы ⁹. Такая деталь придает существенную динамику фигурам птиц, оживляет композиции, в которые эти фигуры входят. Существенную близость находим и в оформлении туловища и крыльев многих фигур среднеуральских писаниц и изображения на Ваняшкинской II писанице. Кроме упоминавшегося пункта на оз. Мелком, такие рисунки есть на Зенковской скале, Соколинских утесах и Змиевом камне по реке Тагил ¹⁰. Птицы в этих композициях изображены в движении, причем можно поражаться наблюдательности и мастерству древних, скупыми линиями передавших движение водоплавающих при взлете или, даже скорее, беге по воде неотлинявшей птицы. Это лишний раз подчеркивает правоту В.Н. Чернецова, виденного в подобных композициях сцену охоты на линную птицу. Вероятно, с данным сюжетом связана и композиция Ваняшкинской II писаницы. Еще одной фигурой, связывающей этот пункт со среднеуральскими памятниками восточного склона, является одвоенная дуга с отростками. Такие изображения нередки, например, по рекам Тагилу и Режу ¹¹. Следовательно, выявляется существенная близость между материа-

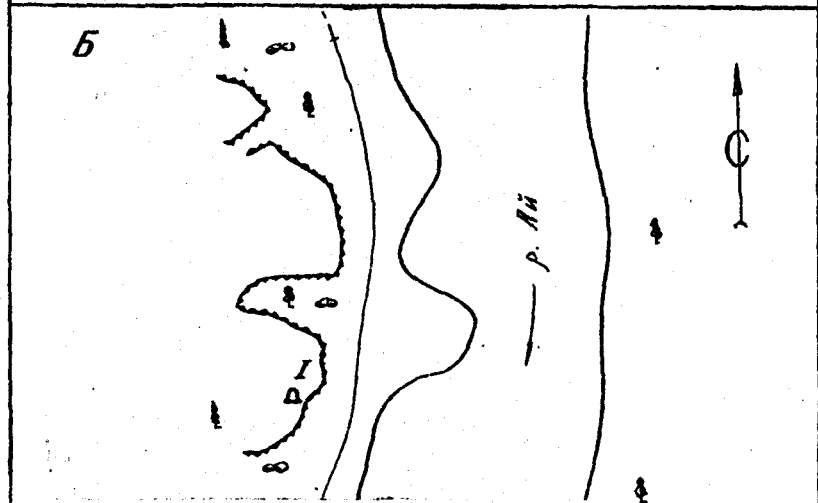
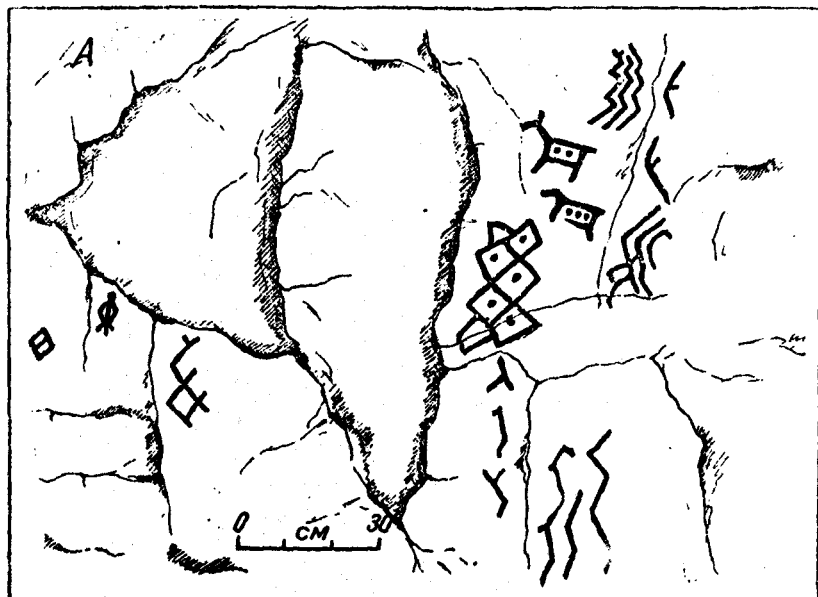
лами Ваняшкинской I и Среднеуральских писаниц, что важно для характеристики культурной и этнической принадлежности наскальных изображений, их интерпретации.

Стилистические особенности изображения птицы на второй Ваняшкинской писанице дают определенные основания и для датировки этого пункта. Как уже указывалось, в аналогичной манере выполнены и некоторые фигуры на сосудах энеолита — ранней бронзы¹². При раскопках вблизи каменных палаток у оз. Мелкого был обнаружен археологический материал. Наиболее ранний из найденных комплексов, по которому и было датировано появление писаницы, относится к неолиту¹³. Таким образом, можно с большой долей уверенности считать время создания изображений второй Ваняшкинской писаницы периодом неолита — ранней бронзы.

Ваняшкинская I писаница находится в Саткинском районе Челябинской области, на правом берегу реки Ай, в 3 км выше по течению от деревни Ваняшино и в 0,7—0,8 км ниже писаницы Ваняшкинской II. Ширина долины около 200 м, левый борт высокий, залесен сосной, справа тянутся скальные обнажения. Река в этом месте делает излучину. На повороте расчлененная скальная гряда тремя выходами подступает близко к реке — на 20—30 м. Центральная скала с рисунками, высота ее 10—12 м над осипью, сложена толстослоистыми известняками светло-серого цвета. Общая экспозиция скального обнажения восточная. Площадки покрыты лишайниками оранжевого и черного цветов.

Рисунки нанесены с удобного карниза, высота его над первой надпоймой 4,2 м, над меженью — 10 м. Азимут плоскости с изображениями 30°—210°. Выше плоскости есть ниша, в 10 м вниз по течению от карниза, на уровне осипи имеется небольшая пещерка.

Изображения видны на площади 3,1 x 1,75 м. Плоскость для

Веняштинская I писаница.
 А - копия изображений. Б - топографическая
 схема; I - место дислокации изображений.

Рис. 7

них выбрана наиболее ровная, покрытая светло-серым налетом. В настоящее время поверхность разрушена трещинами. Фигуры выполнены линиями шириной I, I-1,5 см. Цвет рисунков светло-красный. В центральной части нанесены два изображения копытных, одно над другим. В контур туловища верхней фигуры, размеры которой I4,5 x I4,5 см, вписано 2 пятна, в контур нижней - 3. Под этими изображениями выполнена сетка из ромбов, пять полей которой заполнены одиночными пятнами, а два поля свободны от них. Размеры этой фигуры 43 x I4,5 см. Выше копытных, справа и ниже от них нанесены зигзагообразные линии, ориентированные вертикально. В левой части писаницы видны три рисунка. Слева - ромб, размерами 7 x 9 см с линией внутри него, справа ромбическая сетка на площади I2,5 x 23,5 см, а между ними антропоморфное существо с хвостом или фаллосом между ног. Размеры антропоморфной фигуры 7 x II,5 см.

В правой части писаницы из-под кальцитового налета просматриваются рисунки, но разобрать какие-то законченные фигуры не удается.

На карнизе нами выбраны рыхлые отложения. Их мощность, как и в случае с Баяшклинской II писаницей, очень незначительна. Здесь также удалось обнаружить лишь мелкие фрагменты охры, а в трещине карниза, заполненной грунтом, на глубине около 40 см от поверхности - челюсть косули, два фрагмента костей этого же животного и I5 костных остатков птицы.

Представляется, что костные остатки косули под рисунками оказались не случайно и имеют к созданию изображений непосредственное отношение. Об этом свидетельствуют: и находки кусочков охры в слое, и изображения косуль на южноуральских писаницах, и наиболее часто встречающиеся кости именно этих животных непо-

орудственно возле плоскостей с древними рисунками. К сожалению, при раскопках не обнаружены археологические материалы. Остается надеяться на возможность получения радиоуглеродной даты по костным фрагментам, что позволит, на мой взгляд, определить и время создания наскального полотна в данном месте. Такие стилистические особенности, как показ пятнами внутренних органов в контуре копытных, дают определенные основания относить эти фигуры к периоду энеолита — бронзы.

Материалы Ваняшкинской I писаницы могут в дальнейшем послужить для содержательного анализа, так как рисунки неплохо сохранились и нет наложений изображений друг на друга. Основными элементами здесь являются: рисунки копытных, геометрические фигуры, антропоморфный персонаж. Причем антропоморфное существо, находящееся возле двух геометрических изображений, расположено в стороне от основной сцены. В последней, кроме рисунков косуль выделяются два элемента: ромбическая сетка с полями, заполненными пятнами, и зигзаги — двоянные или строенные. Они находятся выше, ниже и позади копытных. Головой животные обращены в сторону антропоморфного существа (влево). На мой взгляд, изображение ромбической сетки является символом охотничьей сети, с помощью которой осуществлялся отлов копытных. Нам уже приходилось писать о том, что подобные геометрические фигуры встречаются на среднеуральских писаницах в сочетании с копытными. Особенно выразительная сцена есть на Шайтанской писанице, где сохатый изображен попавшим в такую сеть. Примечательно, что подобный способ охоты известен и в этнографических описаниях ¹⁴. В принципе, такое изображение может быть и обобщенным символом ловчего сооружения. Все же я более склонен видеть в этой сцене отражение реальной охоты с помощью сетей, так как геометричес-

кие фигуры на писаницах достаточно разнообразны.

По поводу красочных пятен в полях ромбов можно высказать следующие предварительные соображения. Кажется, ключ к их пониманию дают рисунки копытных в этой же сцене. Напомню, что в контур их туловищ вписаны аналогичные фигуры. Таким способом передается информация о жизненно важных органах животных — сердце, печени, легких и т.п. Мне кажется, что в полях сетки пятна символизируют именно эти качественные атрибуты, важнейшие характеристики живых существ — объектов охоты. Не следует пожимать это так, как будто в ромбах нарисованы именно сердце, печень или какие-то другие органы зверей. Просто в данном случае, как и в других подобных действует широко распространенный в искусстве традиционных обществ принцип парциальности, то есть замены целого его частью. В данном примере следует предполагать как раз такую замену, т.е. изображение ловушки осложнено символом охотничьей добычи. Изображения зигзагов, сбоечных и строенных, следует, вероятно рассматривать как символ текущей в реке воды. Такая трактовка зигзагообразных линий известна по этнографическим примерам. В принципе, зигзаги могут означать и какие-то сооружения типа засек, возводимых при ловле копытных во время их миграций или при загонной охоте. Все же первая интерпретация представляется мне предпочтительней, так как количество зигзагов и их расположение по отношению к животным подводят именно к этому заключению.

Что касается антропоморфного существа, то, на мой взгляд, его следует относить к прослойке людей, выполнявших в обществе определенные обязанности, связанные с проведением магических церемоний, направленных на привлечение добычи и удержания ее в ловушках. Гипертрофированный фаллос или хвост этого персонажа

следует рассматривать тогда как элемент, связанный с характером обрядов, их семантикой, или как атрибут шаманского костюма. Интересно, что по такой же схеме построены сцены Северской писаницы под Свердловском, а также некоторых пунктов по рекам Тагилу и Режу, композиции которых В.Н.Чернецов выделил в первый вариант третьего сюжета ¹⁵. В таком случае подбирается подход к анализу схем построения и интерпретации некоторых писаниц, имеющих достаточно широкое распространение на территории Урала.

Кстати говоря, мотив диагональной или прямой сетки с заполненными точками полыми прослеживается на уральских материалах начиная с энеолита — ранней бронзы, в частности, на керамике ¹⁶. Это дает косвенные основания в пользу датировки Ваняшкской I писаницы именно этим периодом.

Писаница Айская группа расположена в Сабинском районе Челябинской области, на правом берегу реки Ай, в I—I,5 км ниже по течению от села Айская Группа (рис. 8).

Ширина реки около 80 м, долины около 250 м. Левый берег пологий, залесен сосной, березой и лиственницей. По правому берегу тянется на I км расчлененная скальная гряда. Она сложена светло-серыми известняками, подходит к реке отдельными выходами, высотой от 8—10 м до 40 м в центральной части. В этой гряде скала с писаницей последняя, она достигает высоты 15—18 м и ближе других подходит к реке — на расстояние 15 м. Берег — первая надпойма, высотой около 4 м. Поверхность осыпи возле скалы ровная, ее высота над уровнем реки 5,3 м. Ниже скалы (по течению) начинается выпас. Скала обращена на юг. В 7 м к западу от писаницы находится грот. Он часто посещается людьми, его стены и свод черные от копоти.

Изображения нанесены со скального карниза, высота которо-

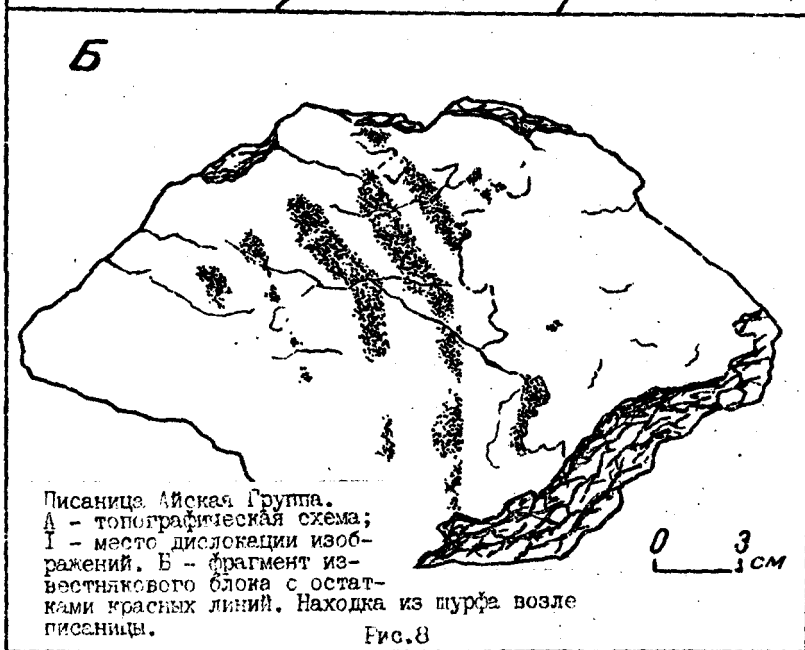
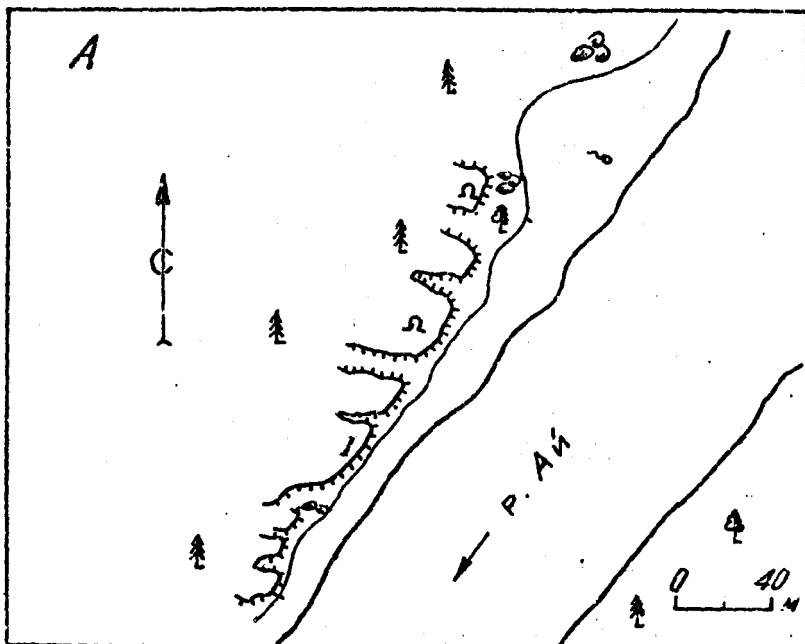

Рис. 8

го над осью в данном месте 1,4 м. Нижние рисунки находятся на высоте 15 см над карнизом, верхние - 83 см. Фигуры располагаются на блоках с взаимноперпендикулярными плоскостями, под навесом (рис. 9).

Азимут поверхности крайнего левого блока 250° - 70° . На желтс- вато-серой корочке прослежено 5 вертикальных отрезков. Ниже, на другом блоке - крест и фрагменты краски. Азимут следующей плоскост- ти 15° - 195° . Здесь прямая вертикальная линия, двойной зигзаг, сом- кнутый вверху и антропоморфное существо размерами 10 x 16 см с утолщениями в области пояса. Руки раскинуты в стороны и согнуты в локтях, нижняя часть фигуры не сохранилась. Сразу под ней две вертикальные линии с отходящими от них вправо и влево горизонталь- ными стрелками - плоско сохранившаяся фигура сетки, а под ней - го- ризонтальный ряд из 7 вертикальных отрезков.

Азимут следующего блока 85° - 265° . Здесь нанесены: фигура, раз- мерами 9 x 12 см птицы с овальным туловищем и линейными шей и головой. От птицы вниз отходит двойной зигзаг, размерами 7 x 36 см. Справа от головы птицы - два ряда пятен: в первом 8, во втором 5. На этом же уровне справа - два горизонтально ориентированных зиг- зага. Под рядами пятен фигура копытного с прямоугольным туловищем и горизонтальной линией внутри него. Копытное и зигзаг имеют цвет жженой умбры, остальные изображения цвета светло-красной охры. Антропоморфная фигура и остатки сетки по цвету ближе к рисунку копытного. За блоком, вправо от копытного, на расстоянии ≈ 2 м на высоте 18 см над карнизом - антропоморфная фигура с "раздвоен- ной" головой. Размеры персонажа 9,5 x 16 см. Руки его раскинуты в стороны, ноги полусогнуты. Азимут плоскости, на которую он нане- сен, 70° - 250° .

На площадке под карнизом, возле рисунков нами заложен турф,

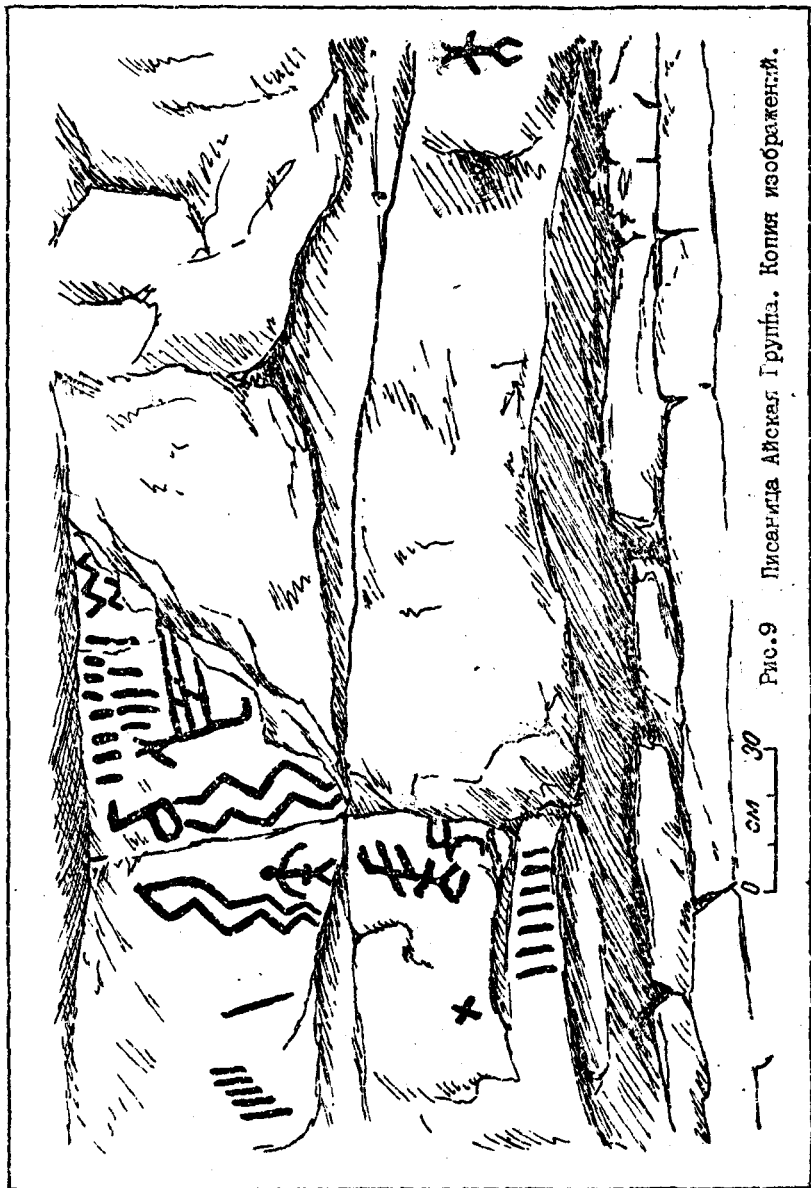

Рис.9 Писаница Айскал Группа. Колпия изображенн.й.

размерами 2 x 2 м. На глубине 0,3 м в гумусированном суглинке обнаружен отколовшийся от скалы кусок известняка, на котором видны красные линии (рис. 8-5). К сожалению, других находок не встречено.

Несколько слов о стиле и содержании рисунков. Мне представляется, что подогнутая передняя нога копытного информирует о позе лежащего животного, возможно, убитого. На южноуральских писаницах имеются подобные фигуры, нередко в сочетании с антропоморфными. Особенно характерно изображение косули в одной из групп Идрисовской II писаницы в сочетании с двумя антропоморфными персонажами¹⁷. Такие наблюдения позволяют в дальнейшем выделить определенные композиции и попытаться раскрыть их содержание. Отметим еще несколько необычное сочетание в одной сцене животного и птицы. Лишь на отдельных уральских писаницах можно встретить подобные ассоциации.

Также, как и на первой Ваяшкинской, на писанице Айская Група представлены зигзаги. Необычность одного из них в том, что в верхней его части линии смыкаются, образуя тем самым фигуру, напоминающую змею. В качестве аналогий этому рисунку можно привести скульптурное изображение деревянной змеи, найденное в Горбуновском торфянике, а также изображение на бронзовом кинжале из Сейминского могильника¹⁸. Второй двойной зигзаг упирается в птицу, создавая тем самым иллюзию движения ее по воде. Остатки еще двух горизонтально ориентированных зигзагов трудно как-либо интерпретировать в силу неполной сохранности этой части писаницы. Ряды отрезков, вероятно, отмечают количество участников охоты или добытой дичи, либо участников празднования охотничьей удачи. Видимо, этот пункт посещался неоднократно, когда могли наноситься или подправляться отдельные фигуры. В пользу этого предположения свидетельствуют, как мне кажется, расположенные в разных местах писаницы группы счетных знаков, имеющих к тому же, разные оттенки краски.

Антропоморфное изображение в левой части, находящееся на задолонном своем положении в рельефе блоке, расположено как бы изолированно от животного и птицы и связано с геометрическими фигурами — двойным зигзагом и остатками сети. В таком случае схема построения композиций повторяет схему Ваняшкинской первой пещеры.

Другое антропоморфное существо занимает крайнюю позицию справа и имеет "раздвоенную" голову — головной убор шамана. Интересно, что он также занимает позицию в стороне от основных сцен. Различия же в стиле антропоморфных изображений подтверждает предположение о неоднократном нанесении фигур в данном месте.

Графический материал дает мало оснований для датировки пещеры Айская Група. Единственными характерными фигурами здесь можно считать изображение копытного и антропоморфного существа с "раздвоенной" головой. Корпус животного трактован в скелетном, или рентгеновском стиле. Правда, обычно выполненные в такой манере звери изображаются с поперечными плоскостями-ребрами на площади контура туловища. Здесь же по всей длине корпуса нанесены прямые линии, соединяющиеся двумя отрезками с линией спины и одним — с линией живота копытного. Ближайшие, но не тождественные изображения можно найти на керамике, например, на сосуде раннебронзового времени со стоянки Коптяки 9¹⁹. На Соколинских утесах также есть похожее изображение, но оно не датировано²⁰. Антропоморфные фигуры с "раздвоенной" головой находят аналогии в материалах памятников неолита — бронзы²¹.

Несмотря на отсутствие вещевое материала в шурфе у лисаницы, некоторым основанием для указания времени создания хотя бы части рисунков может служить глубина залегания блока с остатками изображений. Его стратиграфическая позиция — на глубине 0,3 м от поверхности, на контакте со слабогумусированными раннеголоценовыми

отложениями свидетельствует в пользу раннего возраста памятника и дает предпочтение аналогиям указанного периода.

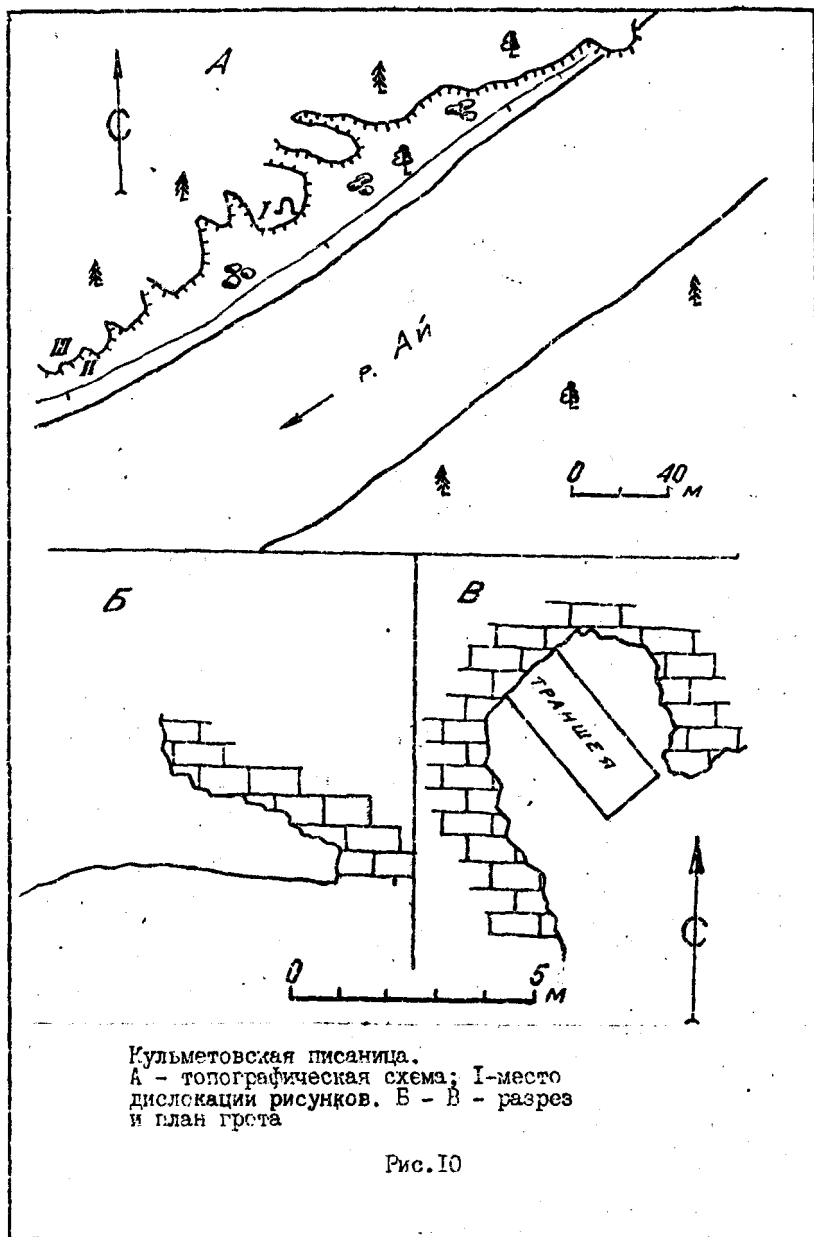
Кульметовская писаница находится в Саткинском районе Челябинской области, на правом берегу реки Аж, в 3-4 км выше по течению от д. Кульметово.

Долина реки около 300-400 м, залесена, в основном, сосной и березой. На левом берегу выражена I надпойма, на правом она перекрыта глыбистой осыпью. Ориентировка скалы юго-восточная, протяженность около 200 м. Обнажение сложено среднеслойными светло-серыми известняками.

Обнаружено три группы рисунков. Первая находится у грота, хорошо заметного с реки. Высота скалы достигает здесь 15 м. В 3,5 м от грота в сторону реки расположена скальная плоскость с легким отрицательным наклоном. Размеры ее 1,6 x 1,7 м. Азимут плоскости $50^{\circ}-230^{\circ}$.

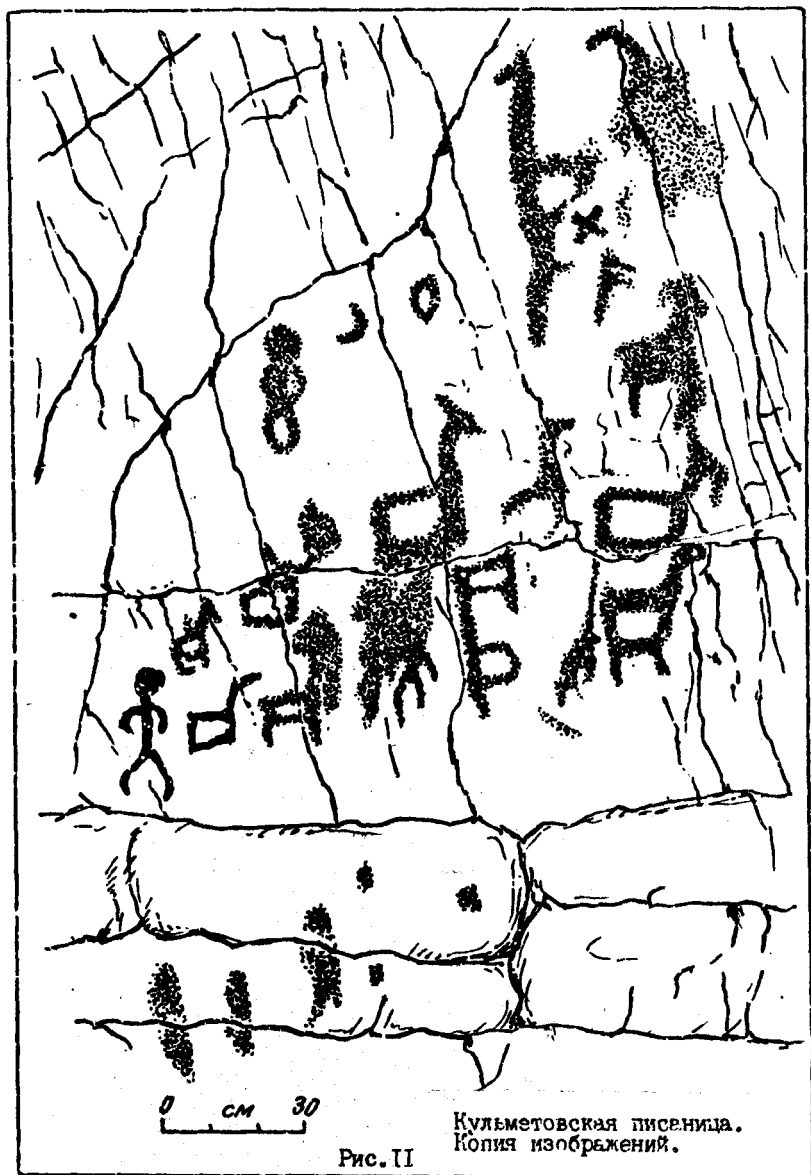
Нижнее пятно краски находится на высоте 0,8 м от поверхности. Правая нижняя часть группы незначительно перекрыта осыпью, опускающейся от грота. При ее разборе находок не обнаружено. Поверхность плоскости сильно разрушена, перекрыта кальцитовым натеком. Рисунки нанесены небрежно или же на влажный кальцит: очертания их грубы и неровны. Плохая сохранность и кальцитовый натек представляют большие трудности для расшифровки. Можно разобрать антропоморфные фигуры и рисунки копытных и птиц (?) (рис. 11).

Некоторое представление о величине фигур дают данные размеров отчетливо видной антропоморфной фигуры в левой нижней части писаницы. Ширина и высота рисунка 9 x 24 см. Средние размеры зооморфных изображений составляют 15 x 20 см. Кроме антропоморфных и зооморфных фигур в верхней центральной части этой группы находится изображения сваля и дуги (рис. 11).

Кульметовская писаница.
 А - топографическая схема; I-место
 дислокации рисунков. Б - В - разрез
 и план грота

Рис. 10

В связи с плохой сохранностью писаницы трудно говорить о каких-то стилистических особенностях изображений или выделять композиции. Общий набор фигур близок многим пунктам как на Южном, так и на Среднем Урале: кельтины, птицы, антропоморфные существа. В данном случае как будто отсутствуют геометрические изображения-ловушки. С большой долей уверенности можно полагать, что здесь отражены сцены загонной охоты. Это подтверждается и наличием очень большого количества костей косули в отложениях Кульметовского грота.

В 120 м ниже по течению расположены вторая и третья группы. Расстояние между ними около 7 м. Сохранность изображений здесь очень плохая. Цвет близок к цвету рисунков первой группы, темно-сиреневый. Из-за плохой сохранности группы не копировались.

Размеры расположенного возле основной группы рисунков грота 3,6 x 3,5 x 1,8 м. Очертания входа прямоугольные, близкую форму имеет и внутренняя часть. Пласти известняка залегают практически горизонтально, азимут их простирания 120° - 300° . Ст. частого посещения грот сильно закопчен: стены и свод черного цвета. Поверхность рыхлых отложений ровная, несколько крупных глыб находились у входа и возле левой стены. Высота расположения грота над водой около 11 м.

В гроте по продольной оси нами заложена рекогносцировочная траншея, размерами 3,3 x 1,5 м. В результате работ получена представительная коллекция вещевых материалов, изучена стратиграфия рыхлых отложений. Обнаружено значительное количество фаунистических остатков, а также собран антропологический материал. Вскрыт вход в пещеру, возле которого лежала глыба с красочными изображениями.

Стратиграфия.

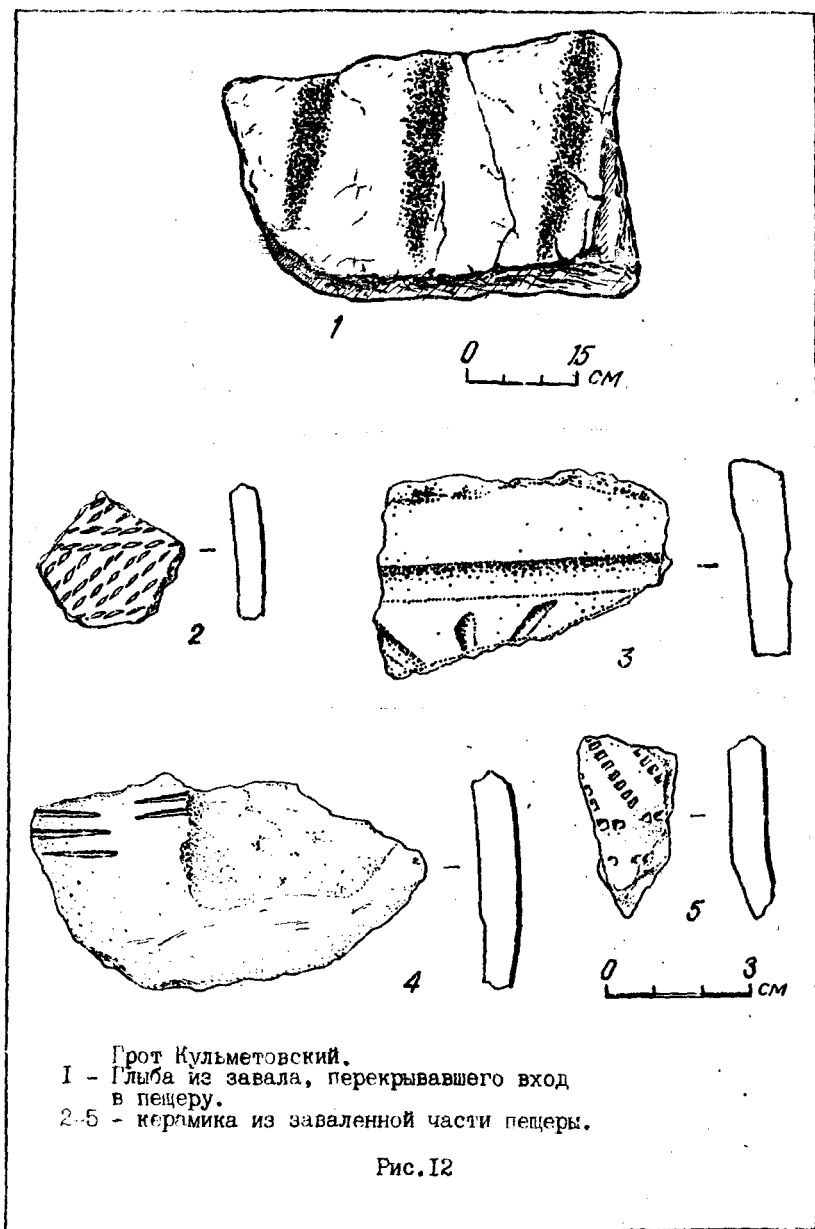
I - темно-серый гумусированный суглинок, мощностью 0,4-0,55 м. В кровле встречено большое количество щепы, кизяка, углей, битого стекла. Практически с самого верхнего уровня стали попадаться фрагменты керамики. Слой пылеватый, слегка задернован в верхней, юго-восточной части. По всей толще фиксируются зольники белесого, золотисто-пепельного цветов, и прокалы красноватого оттенка. Встречено большое количество костей, в некоторых случаях кальцинированных, а также неорнаментированная и орнаментированная керамика. Обломочного материала немного.

2 - желтовато-серый суглинок, макропористый, обильно насыщенный щебнем и глыбами; они отбивают контакт между этим слоем и вышележащим. Лучше этот слой прослежен в западной стенке, в восточной он имеет более темный оттенок за счет интенсивной инфильтрации гумуса. Здесь также встречены фрагменты керамики и кости, но в значительно меньшем количестве, чем в слое I.

3 - желтая глина, насыщенная щебнем и глыбами. Найденны одна раздробленная кость и обломок челюсти лося (?). Изделий человека не обнаружено.

На глубине около 2 м работы пришлось прекратить, т.к. стенки траншеи грозили обвалом.

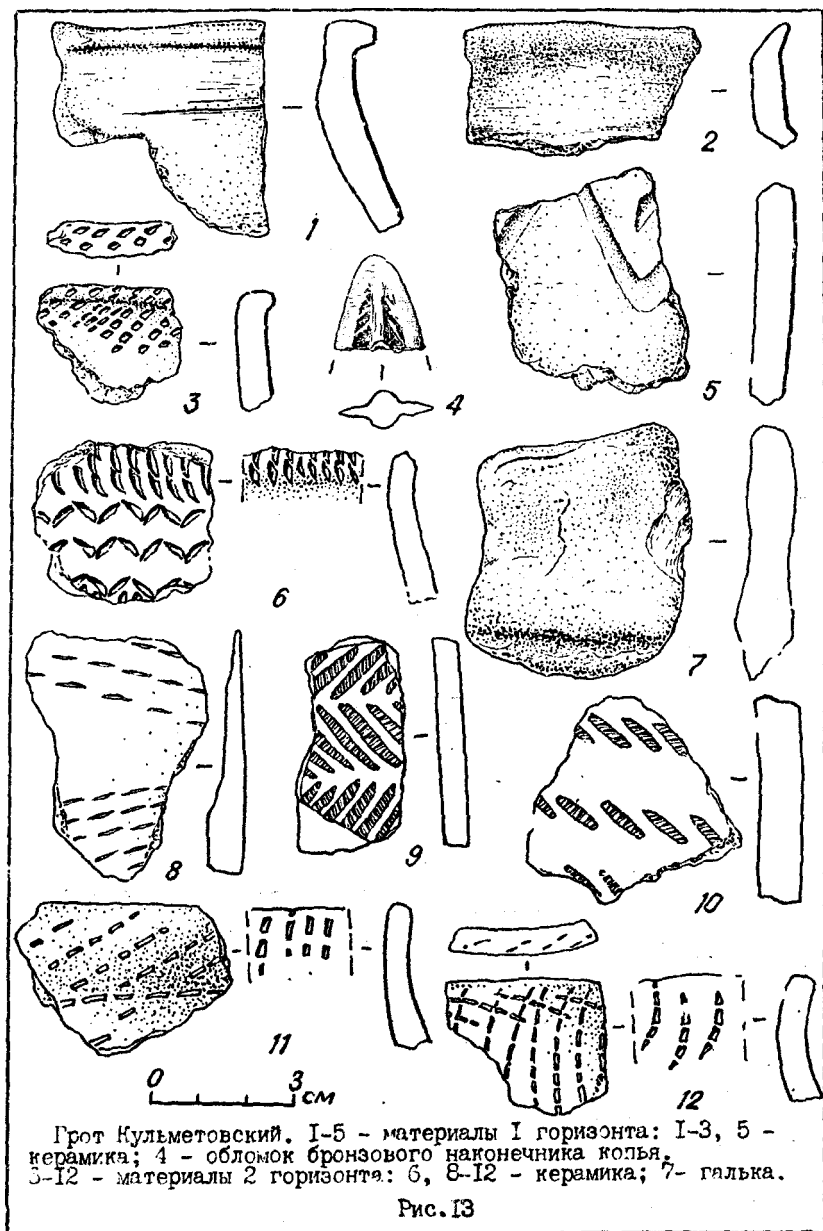
У скальной стены, в 30-40 см от поверхности, появилась ниша. Ее удалось расширить и открыть заваленный вход в пещеру. Разбирая обломочный материал, мы выгнали глыбу, залегающую на глубине около 0,8-1 м от поверхности. При осмотре на одной ее стороне обнаружены три красные прямые линии, шириной 4-5 см. Можно предположить, что этот крупный кусок известняка обвалился со свода грота: я больше склоняюсь в пользу того мнения, что изображения были намеренно нанесены на глыбу у входа в подземную полость. Пос-

пещера внимательно нами осмотрена. После узкого входа пещера становится достаточно просторной, в ней можно двигаться на всем протяжении почти не нагибаясь: только в одном случае необходимо ползком преодолеть низкий ход. В самом конце основного коридора, примерно в шестидесяти метрах от входа, на высоте около 4-5 м небольшой лаз позволяет попасть в просторный зал. Его размеры приблизительно равны 30 x 15 x 8 м. Стены почти полностью покрыты кальцитом, на поверхности красно-бурая кудна. На своде и стенах много вторичных образований. Почти в центре зала несколько круглых сталагмитов. Впечатление от посещения пещеры такое, что до нас здесь давно никто не был. Естественно, мы очень внимательно осмотрели поверхность известняка, т.к. велико было желание увидеть древние изображения. К нашему огорчению, этого не произошло. Неподалеку от входа, в небольшом гроте на полу нами обнаружены кости животных, человека, в том числе обломок черепа, крупный кусок слюды и фрагменты керамики. Из антропологического материала взяты обломок черепа и бедренная кость. Керамика разновременная, совершенно очевидно, что она попадала в эту часть из перекрывающих глинных отложений входного грота. Из-за отсутствия хорошего освещения расчистку антропологического материала мы не проводили. Для этого необходимы специальные исследования. Датировка захоронения возможна на основании радиоуглеродного анализа, а также на основании стратиграфических наблюдений. Обратимся прежде к характеристике вещевого комплекса, обнаруженного при раскопках грота.

Коллекция яшерового материала из грота представлена, в основном, керамикой. Описание дается по горизонтам взятия, мощность каждого из них 0,25 м. В I горизонте обнаружено 44 фрагмента, из них только четыре орнаментировано.

Керамика плотная, очень твердая. В целом темно-серого и серо-

вато-коричневого цвета. В подавляющем большинстве фрагментов примесь слюды, в некоторых - дресвы и шамота. 3 фрагмента шеек сосудов, из них один орнаментирован наклонными оттисками гребенчатого штампа в зоне под венчиком. Венчик плоский, слегка срезан вовнутрь, с внешней закраинкой. По верхнему срезу венчика аналогичные оттиски гребенки. Два других неорнаментированы. Верхняя треть шеек этих сосудов заужена. У одного эта часть слегка отогнута наружу, верх округлый; у другого верхняя часть пряча, заканчивается плоским венчиком с внешней закраинкой.

Три фрагмента стенок орнаментированы прочерченными желобками и широкими оттисками поставленного под углом плоского штампа. Орнамент напоминает выполненный на сосудах гафуринского типа ²², но все же полной уверенности в этом нет, т.к. обломки небольшого размера.

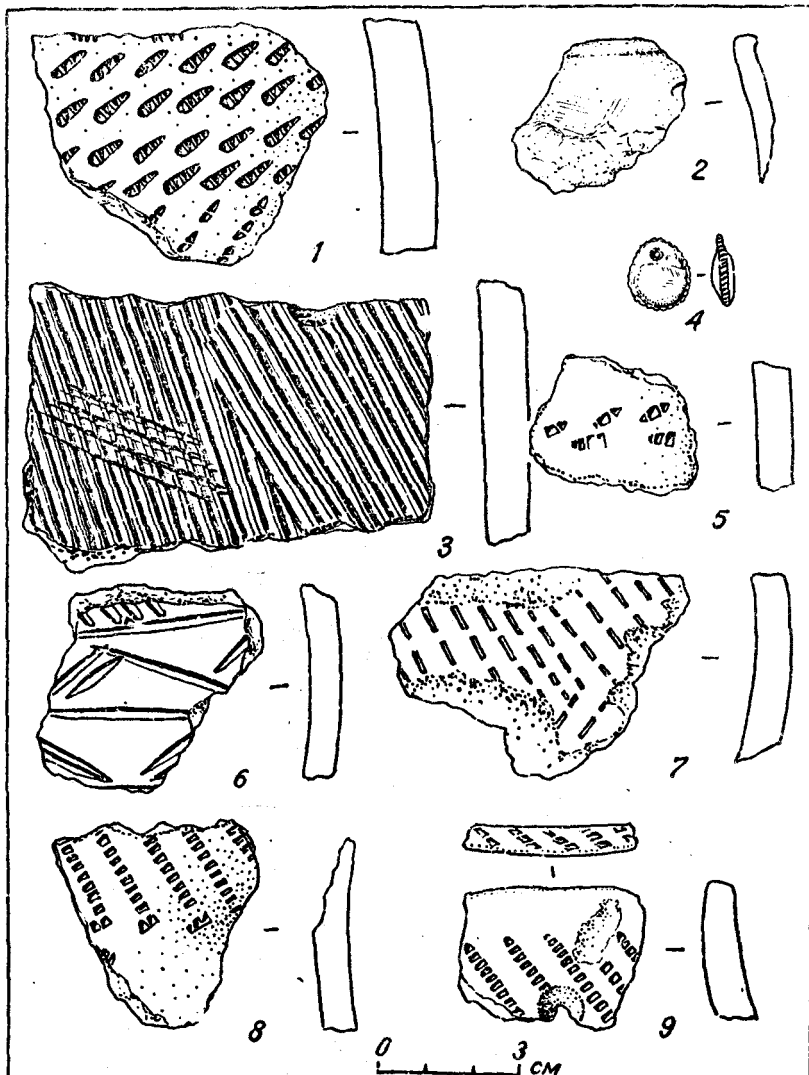
В этом же горизонте обнаружен обломок верхней части бронзового копья или крупного наконечника стрелы (рис. 13). Он также слишком невыразителен, чтобы можно было с уверенностью определить его хронологическую позицию и культурную принадлежность. Наиболее вероятно, что керамика и обломок наконечника датируются ранним железным веком, где-то в пределах второй половины I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э.

2 горизонт - 14 фрагментов керамики красновато-коричневого и темно-серого цвета. 3 фрагмента шеек сосудов толщиной 0,6 см. Венчик слегка отогнут, профилировка слабая. 2 фрагмента орнаментированы оттисками гребенчатого штампа, один - оттисками палочки, образующими мотив в виде скобочек и ложного штура. Аналогично орнаментированы фрагменты стенок (рис. 13). В тесте обильная примесь слюды, у двух фрагментов, украшенных тонкозубым штампом, примесь раковин. Датировать керамику можно концом III - началом

7 тис. до н.э., она близка липчинскому типу.

3 горизонт - 12 фрагментов, из них II от стенок. I обломок верхней части сосуда неорнаментирован, толщина 0,4 см. Венчик плоский, с небольшой внешней закраинкой, с раковиной в тесте. Стенки сосудов красновато- и серо-коричневого цвета, орнаментированы гребенчатым штампом, поверхность одного заглажена гребенчатым штампом. Толщина стенок 0,8-0,9 см, в тесте примесь раковины, в отдельных случаях дополнена слюдой. Керамика энеолитического облика, культурная атрибуция затруднена.

4 горизонт - 15 фрагментов, из них 2 от шейки одного сосуда, слабопрофилированного, толщиной 0,8 см. Венчик плоский, по нему нанесены оттиски гребенчатого штампа. В зоне под венчиком наклонные оттиски аналогичного штампа. В тесте примесь раковины и слюды. Подавляющая часть черепков украшена также гребенчатым штампом, один фрагмент - резным орнаментом. В тесте примесь раковины и слюды. Материал можно датировать энеолитическим периодом. Из этого же горизонта происходит костяная каплевидная подвеска, размерами 15 x 13 x 4 мм, с небольшой сверлитой в верхней части и нарезками по периметру. Такие подвески встречаются на поселениях и в погребениях позднего неолита - ранне^е бронзы. Подвеска найдена возле скопления окры, трех фрагментов черепа, четырех ребер и лопатки новорожденного. В этом же горизонте обнаружена метаподия и фаланга взрослого человека. Фаланга и фрагмент черепа найдены в третьем и пятом горизонтах соответственно. Наиболее вероятна их принадлежность взрослой особи из четвертого горизонта. Таким образом, можно говорить о находке в Кульметовском гроте погребения двух человек. Видимо, комплекс сильно разрушен из-за интенсивного посещения грота людьми и их хозяйственной деятельности. Возможно и растаскивание материала хищными животными и

Грот Кульметсовский. 1-3 - керамика 3 горизонта.
 4-9 - материалы 4 горизонта: 4 - костяная подвеска;
 5-9 - керамика.

рис. I4

землероями. Вещевой комплекс этого горизонта указывает на энеолитический возраст захоронения. К этому же периоду относятся и другие захоронения в уральских пещерах, часто сопровождаемые подсыпкой охры и костяными или каменными подвесками, аналогичными по форме найденной в Кульметовском гроте. Остатки еще одного человека обнаружены, как было показано выше, за глибовым завалом в ближней части пещеры. Причем тело покойного было просто оставлено на поверхности, а затем полость закрыли глыбами, на одну из которых нанесли три красных линии. Связь этого камня с погребением как будто не вызывает сомнений. По уровню залегания и перекрывающему материалу глыбу и погребение можно датировать не позднее энеолита. В пользу доэнеолитического возраста погребения как будто говорит и несколько необычный для этого периода обряд захоронения, отсутствие подсыпки охры и каллевидных подвесок. К тому же ширина линий на подавляющем большинстве писаниц, среди которых есть и датированные энеолитом, значительно уже, чем на глыбе. Такие косвенные соображения и позволяют удревить антропологические остатки в этой части пещеры.

Наличие охры в погребении, рисунки на глыбе у входа в подземную полость, значительное количество костных остатков косули подводят к заключению о существовании связей между вещевыми материалами в гроте и рисунками вблизи него. Существенно, что это уже не первый случай сочетания изображений и антропологического материала: можно вспомнить хотя бы погребение энеолитического времени с охрой в Бурановской пещере, в устьевой части которой нанесены две фигуры²³. Это дает основания для интерпретации во взаимной увязке погребальных комплексов и древних изображений, а также, вероятно, классификации писаниц исходя из их археологического контекста.

И еще один момент, связанный с датировкой изображений Алла-алгинской писаницы. Сходство ширины линий на этом памятнике и на глыбе из Кульметовского грота не выглядит случайным и позволяет считать время создания Аллаалгинской писаницы не позднее энеолита.

Таблица состава и количества определенных остеологических остатков из разведочного раскопа Кульметовского грота (в числителе указано количество определенных остатков, в знаменателе - минимальное количество особей)

Вид	Горизонт					
	I	2	3	4	5	6
Лошадь	I/I					
Сев. олень	6/2					
Косуля	170/4	58/3	28/2	20/2	26/2	I/I
Хомяк	6/3			2/1	8/2	6/1
Белка	I/I			I/I		
Лось						I/1
Бобр						I/I
Птица	6	5		4	7	2
Человек			I	II/2	I	
Неопределенные	2I	I8	I4	4	8	5

Сбор с поверхности
ти во входном
зале заваленной
пещеры:

Косуля - 3/2
Человек - 3/2

Следующая, Метелинская писаница находится уже на территории Уфимского плато, в Дуванском районе Башкирии, на правом берегу реки. Памятник расположен в 2-2,5 км к северо-западу от д. Метели и в 1-1,5 км к северо-востоку от д. Гладких. Скала, обращенная на юг, находится примерно в 350 м от реки, на высоте около 40 м. Крутой склон осыпи задернован и залесен хвойными и лиственными породами: сосной, липой и березой. Высота скального обнажения около 8 м, протяженность около 60 м. Известняк светло-серый, очень рыхлый. Поверхность его сильно выветрелая, вся в многочисленных кавернах и нишах. В западной части несколько небольших пещер. В центре обнажения, ближе к его восточному краю, под нависающей частью скалы расположены древние рисунки. Они нанесены по низу обнажения, на более или менее ровном участке скальной поверхности. Пожалуй, это место единственное, где их можно было нанести. Изображения плохой сохранности, они видны на площади 0,7 x 0,7 м, на высоте 0,6 м над осыпью. Краска имеется лишь там, где есть желтоватая известняковая корочка, по которой были нанесены рисунки. В левой части удается различить остатки диагональной сетки с сохранившимися размерами 0,2 x 0,42 м. Ширина линий около 1 см. Краска блеклая, в отдельных местах имеет цвет охры красной, в других - желтой. В правой части сохранность рисунков хуже, кроме аморфных пятен и фрагментов линий разобрать что-либо не удастся. Непосредственно возле изображения сетки имеются остатки фигуры, напоминающей антропоморфную, но полной уверенности в этом нет. Азимут плоскости с рисунками 80°-260°. Над изображениями имеется ниша, размерами 1,5 x 1 x 0,4 м. Площадка осыпи возле плоскости с рисунками ровная, длиной около 5 м и шириной 1,5 м. В заложеном на этом участке шурфе глыбчатых находок не обнаружено. Это последний из известных на сегодняшний день пунктов с древними ри-

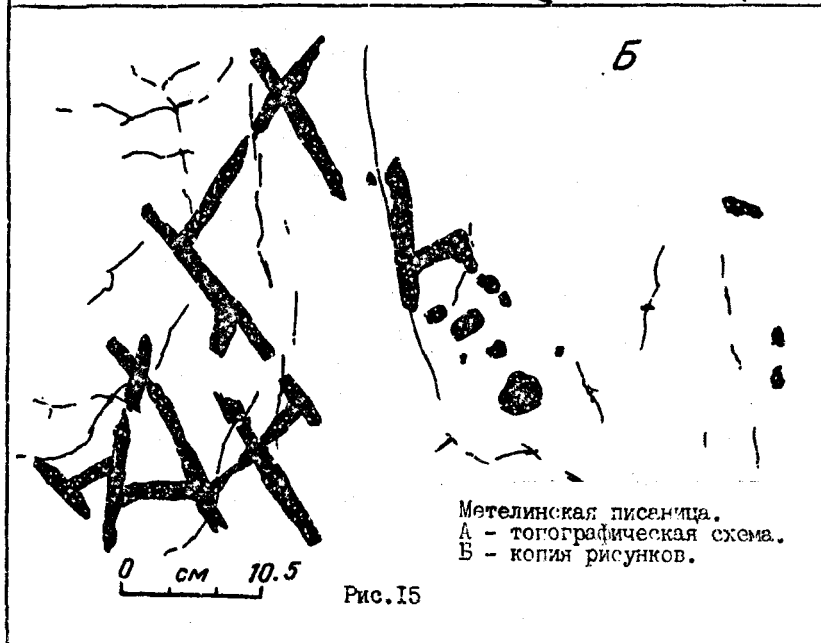
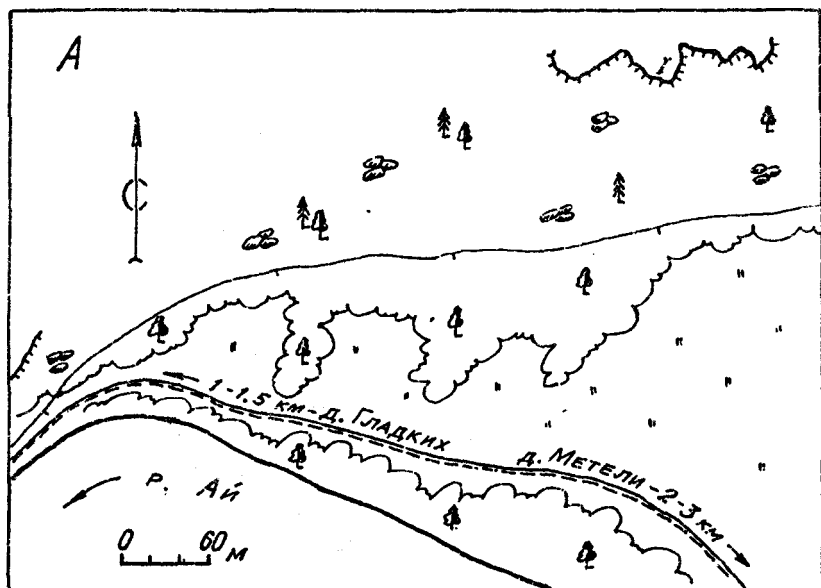

Рис. 15

сунками по реке Ай.

Подведем некоторые итоги. Итак, на Ае обнаружено и исследовано 9 писаниц. Из них Кулбаковская, Метелинская и, в особенности Верхне-Допасская I сохранились крайне фрагментарно. Все же и они важны для определения территории распространения наскальных изображений, а также для выявления некоторых связей содержательного уровня. Сохранившиеся на них отдельные фигуры помогают провести их сравнение с другими пунктами на всей территории распределения древних рисунков. Например, изображение сетки, фрагменты которой обнаружены на Метелинской и Кулбаковской писаницах, является фигурой, достаточно часто встречающейся на писаницах Среднего и Южного Урала. Анализ композиций с изображениями сетки на писаницах лучшей сохранности поможет реконструировать хотя бы отчасти возможное содержание композиций на писаницах плохой сохранности. Предварительное изучение графического материала айских памятников свидетельствует о значительном сходстве многих фигур с фигурами писаниц Среднего Урала. Среди этих изображений — простые и многорядовые зигзаги, более сложные геометрические фигуры в виде сетки или ромбов с поперечной полосой. Изображение дуги с отростками на Валяшкинской II писанице аналогично изображениям, которые В.Н.Чернецов считал символом небосвода на среднеуральских памятниках. Близки по исполнению и фигуры птиц, выполненные либо при помощи сочетания вертикальной и горизонтальной линий, как на Валяшкинской второй, либо при помощи широко распространенного способа моделировки туловища в виде подпрямоугольной фигуры, а шеи и головы одной линией. Как и на среднеуральских пунктах, в сценах айских писаниц из животных доминируют копытные. Правда, имеются видовые отличия: на Среднем Урале преобладает лось и, вероятно, олень, на Южном — в основном косуля. Имеется сходство и отдельных

стилистических деталей. Так, на Ваняшкинской первой писанице копытные изображены с округлыми пятнами внутри контура туловища. Такой же прием использован и на некоторых среднеуральских памятниках, например, на Шайтанской писанице с реки Реж. Копытное Айской Группы выполнено в манере, близкой изображению Соколянских утесов на Тагиле, с той лишь разницей, что горизонтальных линий внутри контура туловища у последней фигуры две, а не одна как в первом случае. Имеется сходство и у антропоморфных фигур. На той же Айской Группе антропоморфное существо с "раздвоенной" головой имеет ближайшие аналогии в материалах Шайтанской писаницы. Таким образом, можно констатировать значительное сходство изобразительного материала айских и среднеуральских писаниц. Видимо, и на содержательном уровне такое сходство удастся проследить. Даже в предварительном плане можно наметить связи композиций айских памятников с первым, вторым и третьим скелетами, выделенными В.Н. Чернецовым на среднеуральских материалах ²⁴.

В датировке древних рисунков на р.Ае можно предварительно судить, исходя из возможностей как самих изображений, так и на основании проведенных раскопок. Фигуры копытных и птиц близки изображениям на керамике периода энеолита - ранней бронзы. Есть аналогии и некоторым более или менее датированным рисункам на скалах Среднего Урала, относящимся к этому же времени. К сожалению, не оправдалось ожидание культурного слоя и на каждом памятнике: в некоторых случаях материала не было вообще, в других его было чрезвычайно мало. Все же по отдельным памятникам могут быть получены даты по C^{14} на основании анализа костных остатков, где их связь с изображениями подтверждается условиями залегания. Немаловажно, что и костные остатки принадлежат тому же виду, который воплощен и на скальных полотнах - коосуле. В этом смысле примечательны ре-

зультаты раскопок Кульметовского грота возле одноименной писаницы, где было обнаружено огромное количество костей этого животного. Находки же в стратифицированных условиях охры в погребении и глыбы с красными лезвием дают и определенные основания для датировки Кульметовской писаницы, по крайней мере, начального этапа ее создания энеолитом, а Алмаэтинской, вероятнее всего доэнеолитическим временем. Более точную дату, видимо, можно будет получить после проведения радиоуглеродного анализа антропологических остатков из ближней части заваленной пещеры.

Кульметовская писаница, пещера возле нее и захоронения в этой полости представляют, на мой взгляд, комплекс взаимосвязанных остатков. Если учесть, что подобные факты отмечаются уже не впервые, то в дальнейшем следует попытаться интерпретировать связи погребальных комплексов и древних рисунков на содержательном уровне, и подойти к классификации писаниц, учитывая их различный археологический контекст. Анализ изобразительного материала можно будет дополнить и проведением исследования красящего пигмента, образцы которого отобраны с отдельных пунктов.

ЛИТЕРАТУРА

¹Петрин В.Т. Наскальные изображения Южного Урала // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983, с. 150-160.

Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Урала // Проблем археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск, 1986, с. 99-132.

²Петрин В.Т. Писаница из окрестностей Свердловска // СА. 1985. №3, с. 119-123.

³Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Урала, с. 114.

- 4 Петрин В.Т. Новые наскальные изображения..., с.106.
- 5 Кокшаров С.Ф. О содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990, с.80, рис.1.
- 6 Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА. 1956. № 35, с.158-159, табл.ХУ-ХУІ; Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, с.125, рис.41-9.
- 7 Петрин В.Т. Писаница из окрестностей Свердловска.
- 8 Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. М., 1940, с.70, рис.66.
- 9 Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М., 1987, с.401, рис.122-8.
- 10 Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1964. В4-12, табл.ІУ, XIX, XXIV.
- 11 Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. В4-12(2), с.61, рис.42.
- 12 Резная скульптура Урала, с.69, рис.65; с.70, рис.66; с.72, рис.70.
- 13 Петрин В.Т. Писаница из окрестностей Свердловска.
- 14 См: Широков В.Н., Чапкин С.Е. Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале. Препринт. Свердловск, 1990.
- 15 Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала, 1971, с.76.
- 16 Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р.Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с.270, табл.ІІІ; Стефанов Н.К., Кокшаров С.Ф. Изображения бронзового века на р.Конде // СА. 1968. № 3, с.164, рис.2.
- 17 Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Южного Урала // СА. 1964. № 3, с.119-123.

- 18 Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала, с.65, рис.6I; с.79
рис.74.
- 19 Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. 1961. № 21, с.70, рис.7-5.
- 20 Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала, 1964, табл.II.
- 21 Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале.
- 22 Пшенищук А.Х. Кара-абьская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЗБ. Уфа., 1973, т.У, с.203 и далее.
- 23 Бибииков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т.XIII
- 24 Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала, 1971, с.59-82.

Сергей Федорович Кокшаров
Владимир Николаевич Широков

МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

препринт

Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Института истории и археологии
и ИИСО УрО АН СССР

Ответственный за выпуск С.Е. Чаиркин

Подписано в печать 18/12-90г. ИС
Формат 60 x 84 1/16. Уч.-изд. л.3,5 Узл. печ. л.3,0
Бумага типографская. Печать офсетная
Заказ за Тираж 250 экз. Цена 30 коп.

Институт истории и археологии. Свердловск 620026, ул. Розы Люксем-
бург, 36

Типография ЦЕХ № 4 ОБЪЕДИНЕНИЯ "ПОЛИГРАФИСТ"
СВЕРДЛОВСК, ТУРГЕНЕВА, 20